

"Притяжение сердец"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Миранда ЛИ

ПРИТЯЖЕНИЕ СЕРДЕЦ

Глава 1

Полностью поглощенная собственными мыслями, Амбер машинально вставила ключ в замочную скважину. Работа, работа, вечная работа... В последнее время ни о чем другом она и думать не могла. Удивительно, но ей и впрямь понравилось руководить семейной компанией. А еще удивительнее — получалось вроде бы неплохо.

Ну, допустим, с отцом ей тягаться пока не по плечу, однако не случайно же сегодня их бухгалтер прямо заявил, что никогда еще дела компании Холлингзуортов не шли так хорошо.

Распахнув входную дверь, Амбер вошла в прихожую и только тут заметила явно поджидавшую ее мачеху.

— Господи, Беверли! — воскликнула она. — Ты меня напугала. Спряталась, не сразу увидишь.

— Твой отец хочет с тобой поговорить, — не тратя времени на разговоры, заявила мачеха. Прямо сейчас.

— Что случилось?

— Не представляю. — Беверли окинула девушку ледяным взглядом, затем повернулась и медленно удалилась.

С тяжелым вздохом Амбер пересекла просторную прихожую и, повернув в широкий коридор в правом крыле дома, остановилась перед первой дверью. Некогда за ней находился кабинет, весьма впечатляющий по размерам и очень строгий, типично мужской по духу, однако после случившегося у отца год назад инсульта его переделали в спальню с ванной комнатой. Находившаяся напротив бильярдная превратилась в квартиру, где поселился врач-физиотерапевт, друг и компаньон отца.

Амбер нерешительно постучала. В ответ из-за двери донеслось громогласное «входи»: инсульт, как ни странно, совсем не повлиял на речь отца.

Собравшись с духом, девушка открыла дверь и вошла в комнату.

— Привет, папа! Хотел меня видеть? — бодро проговорила Амбер. Боже праведный, неужели она когда-нибудь привыкнет к виду немощного отца? Бледное, изможденное лицо. Неестественная худоба. Инвалидная коляска рядом с кроватью... Амбер повернулась к врачу, крупному лысому мужчине лет сорока с удивительно спокойным характером, который в этот момент энергично растирал ногу больного. — Привет, Билл. Как наш пациент? Похоже, сердится.

— Слабо сказано, девочка. Пациент рвет и мечет, — взревел отец и раздраженно добавил, обращаясь к другу:

— Оставь мою несчастную ногу в покое. Лучше пойдешь выпей рюмочку-другую и отдохни. У меня серьезный деловой разговор с этим бизнесменом в юбке.

Билл пожал плечами и молча вышел из комнаты. Он привык к вспыльчивости своего пациента.

Эдвард Холлингзуорт не из тех людей, что смиряются с неподвижностью. Он создан работать не покладая рук и, даже несмотря на свои шестьдесят два года, не думает об отдыхе.

Паралич, приковавший его к постели, почти не повлиял на его темперамент.

— Значит, ты не видела свежую местную прессу, — прорычал Эдвард Холлингзуорт и откинулся на подушки, чтобы схватить лежавшую рядом с ним газету. — Ясное дело, не видела, иначе не выглядела бы столь самодовольной. Билл всегда достает мне экземпляры прямо из типографии, но вскоре все жители Санрайза достанут вечерние газеты из почтовых ящиков и прочтут за ужином, что Эдвард Холлингзуорт — бесчестный, жадный ублюдок, а его дочурка недалеко от него ушла!

— Что?! — У Амбер даже перехватило дыхание от услышанного.

— Вот, полюбуйся сама! — Он швырнул ей газету. Она нервно взяла ее, присела на край огромной кровати — и не сумела сдержать стона при виде крупного заголовка на первой странице: «ВДОВА ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ ХОЛЛИНГЗУОРТАМ!» Ниже размещалась небольшая заметка:

"Семидесятидевятiletняя вдова, миссис Перл Синклер из Поттс-Роуд, сообщила корреспонденту нашей газеты, что семейство Холлингзуорт пытается вынудить ее продать дом и землю. "Эта самый настоящий произвол, — заявила она. — Форменное безобразие! Я не желаю продавать свою ферму. Мой муж погиб на фронте. Я переехала в эти места шестьдесят лет назад, когда вышла замуж. Здесь родились мои сын и дочь. Разве можно продать собственные воспоминания? Отказаться от родного дома? Холлингзуорты говорят, что намерены построить автостоянку перед их новым торговым центром и кинотеатром. И это, мол, единственное подходящее место. Да кто поверит в подобную чепуху! Эдвард Холлингзуорт владеет половиной побережья. Пусть возводит свой центр где-нибудь еще! Я не поддамся угрозам и ничего им не продам! И передайте его дочери, Амбер Холлингзуорт, что ее шантаж не подействовал. Понятно, чего она добивалась, когда приехала позавчера ко мне в гости, сидела на кухне, пила чай и якобы так мило беседовала со мной. Пыталась просто-напросто разжалобить несговорчивую старуху, навесив мне на уши лапшу про какую-то там пользу для города. Когда, скажите, хоть кто-нибудь из Холлингзуортов думал о благе горожан? Эдварда Холлингзуорта заботит только собственная выгода. А яблочко от яблони, как известно, недалеко падает! Не сомневаюсь, они предложат мне еще больше денег. Но пусть хоть весь мир положат у моих ног — мой ответ один: нет, нет и нет! Сообщите это семейству Холлингзуорт!

А если Амбер Холлингзуорт вздумает снова появиться здесь, попытаюсь очаровать меня медоточивыми речами и утонченными манерами, я натравлю на нее собаку! И должна сразу предупредить: мой Рокки — сторож презлющий, ему даже запретили участвовать в бегах, такой он забияка".

Статья сопровождалась фотографией пожилой леди, с воинственным видом стоявшей на веранде, у ног ее лежала борзая, явно страдающая ожирением.

Амбер не смогла сдержать смеха.

— Натравит на меня пса? Да он облизал меня с ног до головы, когда я приехала!

— Нет повода смеяться, — проворчал отец. В понедельник вечером ты сказала мне, что с покупкой фермы дело в шляпе. Не прошло и двух суток, и вот на тебе, какой поворот! Мы оба хорошо знаем, что другого места для парковки машин нет, комплекс требует достаточно

обширной ровной площадки. Нельзя строить магазины на склонах гор или слишком далеко от города: долго не продержишься! Так что либо мы получим землю Синклеров, либо твой проект отомрет сам собой.

Отец прав, понимала Амбер. Территорию Санрайза по собственной воле никак не расширить: справа от города мыс и слева тоже.

А дальше тянется национальный заповедник.

Места для застройки просто нет. И так большинство домов ютятся на склонах.

— Послушай, папа, ума не приложу, что это вдруг нашло на старую леди, — вздохнула Амбер. — В понедельник любезно со мной разговаривала, со всем соглашалась. Сказала, что считает мое предложение весьма и весьма щедрым, но должна, мол, обдумать его, и попросила заглянуть к ней через недельку.

Мне показалось, что отсрочка — чистая формальность, чтобы не подписывать договор на слух.

— Очевидно, что-то заставило ее передумать. Скорее всего, поговорила с кем-то из родственников, и тот убедил ее, что предложение недостаточно выгодное. Небось назвал меня циничным старым скупердяем.

Лично я расцениваю эту статейку как попытку выжать из нас побольше денег! — Он злобно ткнул пальцем в газету.

— Возможно, ты прав, папа. И пожалуй, я даже знаю, кто ее советник. Бен Синклер.

Внук. Он своего не упустит! За каждый цент будет бороться.

— Ты так говоришь, словно хорошо знакома с ним.

— Папа, неужели ты не помнишь Бена, моего одноклассника? — раздраженно спросила Амбер. — Он переехал к бабушке, когда ему было около шестнадцати. Ты должен помнить его. Он еще потряс всех на выпускных экзаменах. По их результатам вошел в два процента лучших учеников по всему штату, фотографию его даже напечатали в газете.

— Как он выглядит?

— Черные волосы, черные глаза. В общем, красавчик, если бы не постоянно мрачное выражение лица.

— Не помню. Хоть убей, не помню. Из твоих одноклассников в памяти остался только Крис Джонсон. За него тебе и следовало выйти замуж, а не за этого плейбоя-американца, которого ты подцепила, когда я сдуру в качестве подарка на выпускной отправил тебя в круиз.

— Ну, мне тогда вообще не следовало выходить замуж. Мне же было всего девятнадцать. Почему ты не остановил меня?

Отец рассмеялся.

— Это все равно что пытаться остановить тропический ливень. Ты упряма, как я: если что решила, идешь до конца. Никто бы не сумел отговорить тебя от свадьбы с Чадом.

Слава богу, у тебя хватило ума развестись с ним. Жалко только, что так поздно. Однако

вернемся к делу. Что ты решила насчет Синклеров? Я вижу, доченька, как тебе дорог этот комплекс, но стоит ли он таких усилий?

Да и скандала лучше бы избежать. Мне удалось добиться уважения в городе, но сама ведь знаешь, сколько сил и времени на это потребовалось. И теперь я принял решение баллотироваться в мэры, когда пойду на поправку.

— Тогда тем более нельзя замораживать проект. Городу нужен этот торговый комплекс, папа.

— Согласен. Но чтобы построить его, позарез нужна ферма Синклеров. Как ты добьешься ее? Предложишь старой леди больше денег?

— Думаю, да.

— И сколько?

— Пока не знаю...

Поди догадайся, что на уме у этой Перл Синклер! Деньги вроде бы ее не особенно интересуют. Да и характер — кремень, такая никакому давлению не поддастся, пусть даже со стороны Бена. Возможно, она привязалась к развалюхе, в которой живет. Амбер задумалась. Нет, в это трудно поверить. Дом держится на честном слове, да и от фермы остался лишь тесный курятник и покосившийся сарай.

— Может быть, старушке Перл просто не хочется никуда переезжать в таком возрасте? принялась рассуждать вслух Амбер. — Или боится, что не приживется на новом месте?

— Этим никак не объяснить ее гневные нападки на нашу семью через газету, — устало проговорил отец. — Нет, похоже, внучек нащептал ей что-то на ухо и настроил ее против нас. — Он задумался. — Кстати, а где сын и дочь, о которых она упомянула?

Амбер пожала плечами:

— Не знаю. Либо она порвала с ними отношения, либо они умерли. По крайней мере только Бен ее навещает. И то не слишком часто. Она жаловалась за чашкой чая, что он не приехал на последнее Рождество. Сейчас укатил в Сидней, к какой-то новой подружке.

— Понятно. Думаю, дорогой внучек вскоре пожалует домой. И наделает тут шума. Чем он занимается, ты знаешь?

— Адвокат. Работает в Сиднее в крупной юридической фирме.

— Боже праведный, только этого нам не хватало! Унюхал немалую выгоду, вот и устроил весь этот сыр-бор.

— Тут скорее личное, — пробормотала Амбер.

Отец, прищурившись, посмотрел на нее.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду? У тебя что-то было с этим Беном Синклером?

Рассказывай всю правду, дочка. Ты не умеешь лгать.

Как бы не так, печально подумала она.

Увы, я лгала все шесть лет, пока была замужем за Чадом. Никто не знал, как я несчастна. Какой потерянной чувствовала себя.

— Нет, — снова солгала Амбер. — Мы с Беном даже не дружили. Скорее наоборот, он тогда был очень беден и ненавидел меня за то, что я богата.

— Прочитает сегодняшнюю статью — возненавидит тебя еще больше.

— Надеюсь, не прочитает.

— Ерунда. Без него тут не обошлось! Так что не сегодня-завтра Бен Синклер появится на нашем пороге.

— Роскошная перспектива, — сухо проговорила она.

Отец прищурился еще больше.

— Между вами точно не было никакой несчастной любви?

— Ну, так далеко никогда не заходило. Мы едва перекинулись с ним парой слов за последние десять лет. Отвратительный тип!

— Отвратительный или нет, но тебе придется уломать его, если хочешь построить торговый комплекс, — проворчал Эдвард Холлигзуорт.

— Посмотрим, папа, — проговорила Амбер, стараясь не выдать своего смущения. — Посмотрим.

— У меня такое чувство, будто ты что-то скрываешь. Смотри, дочка! Мне меньше всего хочется видеть нашу фамилию в газетах в связи с каким-нибудь дутым скандалом!

Глава 2

Бен подобрал с пола упакованный в целлофан свежий номер «Санрайз газетт», хлопнул ногой дверь и, бросив газету на свое любимое кресло, направился в кухню.

Что за день! Что за жизнь!

Рывком расслабив узел синего шелкового галстука, он плеснул себе немного виски, затем достал из морозильника лед и положил в стакан несколько кубиков. Хмурясь, залпом проглотил свой жидкий транквилизатор и поморщился.

Странно! Он всегда думал, что, став преуспевающим адвокатом, достигнет вершины счастья. Завоюет деньги и славу. Мужчины будут заискивать перед ним. А женщины валиться ему под ноги.

Да, деньги у него определенно завелись.

Корпорация платит весьма неплохо. Есть и роскошная квартира с видом на Сиднейскую бухту. И элегантная спортивная машина цвета мокрого асфальта, занимающая один из двух его подземных гаражей двадцатью этажами ниже.

Однако статус адвоката как-то поблек в последние годы. Судя по опросам общественного мнения, люди ставят адвокатов лишь чуть повыше политиков и торговцев подержанными

автомобилями. А многие и вовсе считают адвокатов мошенниками, которые, взимая непомерные гонорары за порой совершенно незначительные услуги, обдeldывают собственные грязные делишки.

Юридическая фирма, где Бен являлся младшим партнером, безусловно, дорожила своей репутацией, и в ней работали настоящие профессионалы, но существовавшие здесь тарифы заставляли его краснеть от стыда.

Так, обнаружив накануне, что они начали брать с клиентов два доллара за каждую сделанную в их конторе фотокопию, он указал сегодня одному из старших партнеров на недопустимость подобных явно завышенных расценок, на что ему было вежливо и холодно сказано, что адвокаты-бессребреники должны работать общественными защитниками, им не место в самой крупной и уважаемой юридической фирме Сиднея.

Грех ему было, честно говоря, жаловаться и на свою личную жизнь. Что-то, а успех у противоположного пола ему гарантирован.

Неважно, каким путем ты зарабатываешь деньги, главное — ездить в шикарной машине, одеваться в дорогие костюмы и посещать модные рестораны.

Бен хорошо знал, что такое бедность. И не собирался отказываться от комфорта и финансовой независимости. Как, впрочем, и от не слишком разборчивых красоток Сиднея.

— Хватит стонать, Бен, — пробормотал он, снова поднося к губам виски. — Ты что, предпочел бы жить с бабулей в Санрайзе? Всякий раз, когда недоволен жизнью, вспоминай о прошлой нищете, о капризах взбалмошной старухи и о том, как каждый кому не лень — и на улице и в школе — помыкал тобой. И что самое обидное, и та девочка, которую ты так отчаянно любил.

Амбер Холлингзуорт...

Губы Бена, как всегда, скривились от одной лишь мысли о ней. Избалованная эгоистка, только и всего! Но чертовски красивая.

Когда у тебя в кармане гуляет ветер, о такой можно только мечтать. Блондинка с длинными, до пояса, волосами, умопомрачительными стройными ногами и безукоризненной формы острыми грудями, которые соблазнительно покачивались в такт ее шагам.

Что у нее за походка! Самоуверенная, легкая, будто нарочно дразнит. Дерзкий носик горделиво задран, худенькие плечи отведены назад, спина прямая, а бедра так и ходят из стороны в сторону...

Ни один мальчишка в школе не мог пройти мимо, не оглянувшись вслед Амбер Холлингзуорт.

Кроме меня, напомнил себе Бен, грустно улыбнувшись.

Нет, конечно, он тоже оглядывался. Но исподтишка. Трусливо.

Когда бабуля впервые привела Бена в школу, Амбер удостоила его лишь презрительным взглядом. А разве забудутся брошенные ею вскользь реплики?

— Послушай, Бен, у тебя что, нет другой одежды?

— Послушай, Бен, не знаю, как у вас в Сиднее, но здесь мы пользуемся дезодорантами.

— Послушай, Бен, разве мама не учила тебя, что неприлично так таращить глаза на девочек?

Он нахмурился, вспомнив, как однажды Амбер поймала его за этим занятием. В тот жаркий летний день — примерно через год после того, как департамент опеки отправил его жить к бабушке, — она лежала во время большой перемены на школьном дворе на траве под деревом, расстегнув две пуговицы на своей белой блузке. Со скамейки, на которой сидел Бен, ему прекрасно была видна ложбинка между ее грудями, затянутыми в дорогой шелк и кружева.

Когда он совершенно размяк от разглядывания соблазнительных форм, девочка повернула голову и, что называется, поймала его на месте преступления. Ему не удалось, как обычно, быстро отвести взгляд.

Бен готов был поклясться, что на секунду-другую она смутилась и покраснела — хотя, вполне возможно, это тридцатипятиградусный зной окрасил ее щеки, — но затем отбросила назад волосы, вскинула голову и выдала то едкое замечание насчет таращенья глаз на девочек.

С того самого момента Бен возненавидел ее. Продолжая страстно желать. И поклялся во что бы то ни стало, пусть даже ценой собственной жизни, завладеть богатой и могущественной мисс Амбер Холлингзуорт.

Однако его желание отомстить не шло ни в какое сравнение с другой, более глубинной потребностью, которую она пробудила в нем. А потом нагрязнул тот проклятый выпускной бал.

Он пришел без пары. Не потому, что не мог найти — многие девчонки в школе с удовольствием приняли бы его приглашение, недаром за последние полгода он даже приобрел сексуальный опыт благодаря их неожиданному и совершенно бесстыдному интересу, — просто, кроме Амбер Холлингзуорт, ему никто не был нужен. Ни одна из его подружек не заинтересовала его больше чем на пару свиданий. И вскоре он даже начал презирать их за доступность.

Амбер Холлингзуорт, несмотря на свою ярко выраженную чувственность и редкую красоту, оставалась девственницей. Вся школа знала об этом. В противном случае счастливчик кричал бы о своей победе на каждом углу.

Крис Джонсон считал себя покорителем девичьих сердец. Блондин с выгоревшими на солнце волосами и бронзовым торсом, слышавший чемпионом школы по серфингу, он, по слухам, имел роман чуть ли не с каждой более-менее смазливой ученицей. Пока наконец не положил глаз на их бесспорную королеву красоты, светловолосую дочь самого богатого человека в городе.

Вначале, правда, без особого успеха.

В тот вечер Бен решил выглядеть как можно лучше. Это стало для него делом чести.

Долгие месяцы он откладывал каждый лишний доллар, — который зарабатывал доставкой яиц после школы, чтобы достойно выглядеть на выпускном балу. Зато уж купил так купил! Шикарный черный смокинг, белоснежная рубашка, черный шелковый галстук.

Не пожалел денег и на новые туфли.

В тот вечер Амбер, одетая в белое платье, очень сексуальное, с пышной юбкой чуть ниже колен и обтягивающим корсажем, который держался на тоненьких бретельках, была прекрасна, как никогда. Бен буквально не мог отвести от нее глаз и даже не пытался скрыть свои чувства и желания.

И она посмотрела на него! Таким долгим и многозначительным взглядом, что Бен тут же преисполнился безрассудной уверенностью в собственных силах. Когда около полуночи дружок Амбер оставил ее одну, чтобы выйти в туалет, Бен решительным шагом направился к ней через танцевальный зал.

— Ну-ка, пойдём со мной, — произнес он, и его слова прозвучали не вежливой просьбой, а грубым приказом. В то время он частенько использовал с девочками эту самоуверенную манеру, и она, на удивление, чаще всего срабатывала. Но он и представить себе не мог, что когда-нибудь дерзнет разговаривать с Амбер Холлингзуорт в таком вызывающем тоне.

Ее прекрасные голубые глаза расширились от удивления.

— Ты думаешь, с кем разговариваешь, Бен Синклер? — огрызнулась она, однако не слишком уверенно. — Я не принадлежу к числу твоих развратных подружек, которые позволяют тебе отвести их за спортзал и там что угодно вытворять с ними.

— Замолчи и делай, что велят, — пробормотал он и с силой сжал ее руку. Электрический разряд пробежал по его руке — и по ее, если судить по выражению лица. — Пошли, — властно повторил он и потащил ее сквозь толпу танцующих.

Бен не сомневался, что завтра ему придется разбираться с Крисом Джонсоном, но это его не волновало. Главное, что сейчас Амбер послушно следовала за ним, похоже сама ошеломленная собственной покорностью.

Бен отвел девушку за дом для персонала, находившийся чуть дальше спортзала, затащил ее в укромный угол и прижал спиной к гладкой деревянной двери. Он едва видел в темноте лицо Амбер и лишь ощущал аромат ее духов и трепет мягкого горячего тела.

Он не сказал ни слова. Просто начал целовать ее. И трогать. Всюду.

Она не остановила его. Напротив, жадно отвечала на его поцелуи и ласки. И даже поощряла к более смелым действиям.

Будь что будет, решил Бен. Он станет ее первым мужчиной. И докажет, как много она значит для него!

Не было ни протестов, ни крика боли, лишь тихий стон экстаза. Более того, Амбер удивительно умело начала двигаться навстречу ему, как не делала прежде ни одна из его девиц.

Ошеломленный, разочарованный, он немедленно отпрянул и несколько мгновений стоял неподвижно, пытаясь прийти в себя.

Но когда обрел наконец голос, высказал ей все, что накопело у него на душе, всю свою обиду без остатка. Какой он дурак, что возвел ее на пьедестал!

Но последнее слово, пусть и своеобразное, все-таки осталось за Амбер. Она молча повернулась к нему спиной и ушла. Вернулась на бал танцевать с Крисом. Как ни в чем не бывало. Едва взглянула на Бена, когда тот вернулся в зал, громко рассмеялась и крепче обвила руками шею своего партнера.

Непонятно, как он сумел тогда пережить такой удар? Кто бы мог подумать, что эта красивая девушка может быть такой? Бесчестной. Бесчувственной. Бессердечной. Он до сих пор слышал ее смех, снова и снова думая о том, что она, видимо, закончила этот вечер в объятиях Криса.

Что за мазохистские воспоминания! — разозлился на себя Бен. Не пора ли спуститься на землю и заняться делом? Она не стоит его мучений. Самки, подобные ей, хороши лишь в постели.

Бен прошел в гостиную, чтобы взять газету, ту самую, что держала его в курсе не только новостей родного города, но и жизни могущественной миссис Холлингзуорт. Именно со страниц этой бульварной газетенки он узнал о свадьбе Амбер с американским плейбоем. Как и потом о ее разводе и возвращении домой.

Бен надеялся, что она вернулась лишь на время, но после инсульта, случившегося с ее отцом год назад, он с ужасом прочел все в той же газете, что она решила взять в свои руки дело Холлингзу ортов. Невероятное событие, ведь в школе она больше интересовалась прическами и лаком для ногтей, нежели компьютерами и менеджментом.

Как ни странно, Амбер быстро обнаружила у себя задатки финансового магната и всерьез впряглась в работу. За неделю до Рождества он прочел статью о ее первом крупномасштабном проекте — строительстве в Санрайзе торгового центра и кинотеатра.

Ее продолжительное присутствие в городе заставило Бена отказаться от поездки домой на Рождество. Бабушка всегда тащила его в церковь, и по закону подлости он обязательно встретился бы там с Амбер.

Бен взглянул на сложенную газету. Наверное, навязчивые мысли об Амбер Холлингзуорт заставляют его подписываться на это бульварное чтиво.

Он влил в себя остатки спиртного, поставил пустой стакан на кофейный столик, развернул газету и опустился в кресло. В глаза немедленно бросился набранный крупным шрифтом заголовок и фотография его бабушки. Сердце гневно заколотилось, когда он прочитал статью, — конечно, Амбер Холлингзуорт на все пойдет, чтобы уговорить внешне беззащитную старую леди расстаться со своим домом и землей. За жалкие гроши, несомненно. Ну что ж, она не знает его бабушки!

Амбер убеждена, что ей все дозволено и что любой ее каприз должен немедленно исполняться — ведь она родилась богатой и красивой. Несомненно, ее жизненный девиз:

«Хочу — возьму. А надоест — выброшу».

Ему вдруг стало жалко того бедного парня, который женился на ней. Что там говорить, она весело поплясала с ним. Но точно так же она резвилась с каждым мужчиной, который приходился ей по нраву. Вскоре после выпускного бала Крис Джонсон получил полную отставку. Он перестал быть желанным, как только любимая дочка главного богача в городе отправилась в кругосветный круиз.

Нет, Бен ни за что не позволит бабушке продать землю Холлингзуортам. Он сам купит эту никчемную ферму, если потребуется!

Настало наконец время расплатиться с некоронованной королевой Санрайза!

Глава 3

— Возможно, ты не понимаешь, Амбер, что отец недоволен тобой не только из-за вчерашнего скандала в газете.

Амбер закрыла глаза, радуясь, что стоит к мачехе спиной. В последнее время всякий раз, когда они оставались вдвоем, Беверли принималась пилить ее и учить жизни.

Так было далеко не всегда. Эдвард Холлингзуорт начал встречаться с Беверли лет десять назад, и та была с Амбер слаще меда.

Когда они поженились, Амбер заканчивала школу, и она искренне обрадовалась за отца, что тот наконец нашел, с кем разделить свою жизнь. Мать Амбер утонула спустя всего три года после свадьбы, оставив дочку, которой не исполнилось еще и двух лет.

В то время Беверли была привлекательной вдовушкой лет сорока; сын ее вырос и жил отдельно. Она продолжала разыгрывать любящую мамочку и после свадьбы, однако Амбер всегда задумывалась, кому, например, пришла в голову идея отправить ее за море сразу после школы. И подозревала, что Беверли пришла в восторг, когда Амбер вышла замуж за американца.

Легко быть доброй на расстоянии. По телефону ее речи были сладкими, как яблочный пирог. Но когда Амбер вернулась жить домой, внезапно оказалось, что, по мнению мачехи, она все делает не так. В надежде избежать никому не нужных ссор, девушка погрузилась в работу в отцовском офисе и предоставила мачехе заботиться о доме.

Перемены в характере Беверли стали особенно заметны после инсульта мужа. Она определенно надеялась, что ее собственный сын Карл — имевший диплом менеджера в бизнесе и маркетинге — приедет из Сиднея и возглавит семейную компанию «Холлингзуорт лимитед», владевшую магазинами не только в их городе, но и по всему северному побережью Нового Южного Уэльса. И не только магазинами. Делались инвестиции в курорты, рестораны и земли.

Когда Эдвард передал свой пост исполнительного директора дочери, Беверли с трудом сдержала раздражение. Когда же Амбер добилась первых успехов на своем новом поприще, терпение Беверли лопнуло.

Мачеху особенно раздражала новая, товарищеская доверительность, возникающая в отношениях отца и дочери. И она постоянно вольно или невольно пыталась вбить между ними клин. Статья в газете дала превосходное оружие в ее борьбе и вселяла надежду, что ей удастся рано или поздно добиться своего.

Амбер налила себе в бокал немного белого вина, поражаясь собственной способности наживать врагов. Большинство девочек в школе открыто недолго любили ее. Сводный брат Карл презирал. Бывший муж Чад едва не убил, когда она заявила, что уходит.

Школьный возлюбленный Крис никогда не простит за то, что она одурачила его в ту памятную ночь. Но все их чувства бледнели перед ненавистью Бена Синклера...

Нет, она не будет думать о Бене. Эти мысли слишком тревожили ее, а ей сейчас нужен максимум самообладания, раз придется противостоять воинственным нападкам Беверли.

Она повернулась лицом к мачехе, испытывая странное любопытство: что же вновь придумала эта женщина?

— Что ты такое говоришь, Беверли? И чем же еще недоволен отец?

— Только взгляни на себя в зеркало. — Беверли презрительно изогнула губы. — Двадцать восемь лет, ни мужа, ни детей, и не поймешь, то ли женщина, то ли кто.

Брови Амбер мгновенно поднялись.

— Как это — не поймешь? Что ты имеешь в виду, Беверли?

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, — отрывисто продолжала Беверли. — С тех пор как приехала домой после развода, ты ни разу ни с кем не встречалась. Неужели тебя не интересует мужская компания?

Амбер отпила глоток вина, медленно пересекла роскошно обставленную гостиную и расположилась на обитом шелком диване.

Беверли села напротив, в свое обычное кресло, поигрывая стаканом виски с содовой.

— Ошибаешься, Беверли, — спокойно проговорила Амбер. — Я очень люблю мужскую компанию. Более того, предпочитаю ее женской. Мне нравится разговаривать с отцом и другими мужчинами, с кем вместе работаю.

Что же касается свиданий, то в прошлом году я неоднократно ужинала с мужчинами.

— Ну ты скажешь тоже! — огрызнулась Беверли. — Даже при самом богатом воображении деловые ужины никак не назовешь свиданиями.

— А, поняла — ты о сексе! — Занявшись бизнесом, Амбер четко усвоила, что зачастую нападение — лучшая оборона.

— Именно так. О сексе. Это что, запретная для тебя тема?

— Нет, если не забывать при этом о любви.

Дело в том, Беверли, что я из тех старомодных девушек, которым нужно любить своего партнера, чтобы получить удовольствие в постели.

Давненько ты не вела столь ханжеских речей, услышала она собственный внутренний голос. Каждое слово — наглая ложь. Ложь в квадрате, в кубе... Тогда, на выпускном балу, и близко не было любви.

Как хочется раз и навсегда изгнать из памяти то короткое и невероятно жгучее воспоминание! Нет, невозможно.

И снова будто огнем опалило разум и тело. Вот она в темном углу, прижатая к черной двери, задыхающаяся, а Бен стаскивает с нее трусики и овладевает ею...

Боже мой, она до сих пор помнит, какая всепоглощающая, горячая радость и жгучая потребность любви овладела ею в этот момент.

Интересно, чем бы все кончилось, не остановись он тогда, часто задумывалась она.

Сначала она не могла понять, почему он остановился. Пока он не излил на нее все свое презрение.

— Разумеется, ты невероятно красива, кричал он. — И сказочно богата. Но за личиной недотроги скрывается самая обыкновенная потаскуха. Только не воображай, будто ты мне нравишься. Я просто хотел показать, как легко могу поймать тебя. Но, честно говоря, мне всегда были противны девицы, которые раздвигают ноги перед первым встречным.

Если он ожидал, что Амбер разразится руганью, устроит скандал или разрыдается, то глубоко ошибся. Врожденная гордость всегда защищала ее от обид, унижений и стыда. Она просто развернулась и ушла, спрятавшись под панцирем ледяного безразличия.

Очень многие считали дочку Эдварда Холлингзуорта высокомерной или даже бессердечной горячкой, но они ошибались. Она просто научилась выживать в этом мире равнодушия, зависти и злобы, научилась еще в раннем детстве, оставшись без матери, которая могла бы защитить ее. В то время отец редко засиживался дома и оставлял ребенка с няньками, а те лишь педантично исполняли свои обязанности, совершенно не заботясь о том, что у девочки творится на душе. И когда возникала сложная или напряженная ситуация, та предпочитала уйти в себя, а не просить совета у почти незнакомой тети. В конце концов такое поведение при любом эмоциональном конфликте вошло в привычку.

Именно потому она так безобразно вела себя с Беном Синклером. Странные чувства овладели пятнадцатилетней Амбер, стоило ему впервые войти в их класс. Особенно ее поразили его темные злые глаза и вызывающе дерзкий вид. Все время, пока они учились вместе, ее неудержимо влекло к нему, хотя она сама вряд ли сумела бы объяснить почему. О, как ей хотелось, чтобы он посмотрел на нее, посудачил за ее спиной, как большинство мальчиков в школе. Так и не сумев привлечь к себе внимание неуступчивого парня, она попыталась вывести его из равновесия саркастическими замечаниями.

Однажды Амбер случайно заметила, что Бен разглядывает ее с незамаскированной страстью в задумчивых черных глазах. И чуть не сгорела от стыда. От смущения и мгновенного жара, охватившего ее тело, она растерялась и не нашла ничего лучшего, как осадить парня еще одним едким замечанием.

Нет сомнения, что на этот раз тот всерьез обиделся на ее шпильку, потому что глаза его вспыхнули ненавистью. После этого случая он смотрел на нее не иначе как с презрением.

До самого выпускного бала...

Боже мой, у нее зашло сердце от восторга, когда Бен вошел в тот вечер в школьный зал. Он был неотразимо красив в том черном вечернем костюме. И выглядел мужчиной на фоне остальных одноклассников, еще мальчиков.

Она не могла отвести от него глаз и сгорала от желания потанцевать с ним. Когда он наконец подошел к ней и потребовал выйти с ним на улицу, она подчинилась, хотя прекрасно знала, чего он хочет.

И не только пошла с ним, но и позволила ему целовать себя, трогать себя, позволила то, чего никогда не позволяла ни Крису, ни одному другому мальчику.

Уже гораздо позже она поняла, что даже не почувствовала боли. Лишь дикую, не поддающуюся описанию сладкую радость.

Словно ее тело было создано для Бена.

Боль пришла позже — когда он неожиданно резко отпрянул и с презрением дал ей понять, что его поцелуи и ласки лишь извращенная месть за все ее прежние презрительные взгляды на него. Боже мой, она только что отдала ему свою невинность, а он в ответ назвал ее дешевой потаскушкой!

Каким-то образом ей удалось вернуться в зал, найти Крису и сделать вид, что просто выходила

подышать свежим воздухом. И она даже умудрилась засмеяться шутке Криса, когда увидела, что Бен вслед за ней вошел в зал.

— Ты любишь только одного человека — себя! — услышала Амбер ворчливый голос мачехи.

— Можешь оставаться при своем мнении, Беверли, — невозмутимо отозвалась Амбер, но ты ошибаешься. Я очень люблю отца. И он любит меня.

— О, это я знаю. Твой папочка буквально теряет разум, как только речь заходит о его драгоценной доченьке. Он позволил тебе заняться бизнесом, как прежде разрешал бегать к нему на работу каждый день. На все готов пойти, лишь бы ты была счастлива. Если бы ты по-настоящему любила отца, то прекратила бы заниматься ерундой и дала ему то, чего он действительно хочет. Внука.

Амбер отпрянула;

— Внука?!

— Да, внука. Мужчины, подобные Эдварду, хотят одного: чтобы их род не угас. К сожалению, когда мы поженились, я была слишком стара и не смогла родить твоему отцу сына.

— Папа не говорил мне, что хочет внуков, напряженно произнесла Амбер.

— И никогда не скажет. Но я-то знаю, что больше всего на свете он жаждет видеть тебя счастливой, замужней и беременной. А ведь мы обе знаем, что ничего подобного не предвидится, правда? За шесть лет замужества ты так и не завела ребенка. Но целью того брака были, насколько я понимаю, вовсе не дети, а деньги.

Да и сейчас перед тобой стоят другие цели. Тебе нужна власть. Власть и положение.

Амбер не смогла усидеть на месте. Она вскочила, сжав бокал, чтобы унять дрожь в пальцах.

— А теперь послушай меня, Беверли.

Должна тебе сказать, что...

Телефонный звонок прервал ее контратаку. Зная, что Джун, домоправительница, занята приготовлением ужина, а Билл делает отцу вечерний массаж, Амбер сама прошла через комнату и сняла трубку, постаравшись придать своему голосу силу и уверенность, хотя внутри вся бурлила от несправедливых обвинений Беверли.

— Привет. Рад застать тебя дома, — процедил холодный мужской голос на том конце линии.

— Бен, — прохрипела она и закашлялась, стараясь прочистить внезапно пересохшее горло.

— Он самый. Удивлен, что ты узнала мой голос. Или дожидалась звонка?

— Э-э...

Он засмеялся. Совсем не добрым смехом.

— Слов не находишь? Как это не похоже на тебя, Амбер. Помнится, раньше ты всегда была остра на язычок. Я пытался дозвониться бабушке, но у нее все время занято — видно, положила трубку рядом с телефоном. К чему бы это? Наверняка ее замучили неприятные

звонки. Должен тебя уведомить, что завтра утром я выезжаю из Сиднея и буду в Санрайзе во второй половине дня. Так что если ты не откажешься от своей идеи запугать мою бабушку, то живо окажешься в суде, не успеешь и глазом моргнуть.

Амбер наконец обрела голос:

— Но я не собиралась делать ничего подобного!

— Тогда почему же я не слышу уверенности в твоём сладком голоске? Ты говорила с бабушкой после выхода статьи?

— Нет — Она собиралась съездить сегодня, но передумала. Весь день ушел на поиски другого места для автостоянки. Варианты нашлись. Но все они требовали дополнительных капиталовложений. Тем не менее Санрайз получит торговый комплекс, даже если Холлингзуорты понесут потери!

— Удивлен, — ехидно заметил Бен. — Я думал, ты уже успела побывать там, чтобы умаслить бабушку и заставить ее переменить решение.

— Хочешь верь, хочешь не верь, Бен Синклер, — взорвалась Амбер, — но, когда я позавчера разговаривала с твоей бабушкой, она была явно готова продать землю. И мое предложение было более чем щедрым — втрое больше, чем эта земля стоит на самом деле.

Не представляю, что заставило ее передумать и обратиться в газету. Если только не ты, едко прибавила она.

Его молчание удивило Амбер.

— Я не разговаривал с бабушкой с воскресенья, — наконец отрывисто произнес он. Могу я спросить, когда ты сделала свое щедрое предложение?

— В понедельник.

— Как видишь, я никак не мог повлиять на мнение бабушки. Возможно, тебе только показалось, что она согласилась. Ты ведь привыкла думать, что люди готовы делать все, что ты пожелаешь. А всякие там синклеры для тебя как кость в горле.

Амбер чуть ли не заскрежетала зубами.

— Послушай, раз ты завтра приедешь, позволь мне воспользоваться возможностью и поговорить с вами обоими. Думаю, когда я объясню ситуацию, ты сумеешь втолковать своей бабушке, насколько важен этот торговый комплекс для будущего Санрайза. Бен, ты не представляешь, сколько у нас здесь безработных. Особенно среди молодежи.

— Ушам не верю, какая разительная перемена! Той, прежней Амбер было наплевать на будущее Санрайза. Она просто взяла да и сбежала из родного города. И ей бы не пришло в голову столь страстно разглагольствовать о местной экономике. Уверен, мне будет занятно послушать твои красноречивые увещания. Короче, будь на ферме в четыре, — вдруг бесцеремонно приказал он. — Но не трудись брать с собой чековую книжку. Мы землю не продаем. Ни сейчас, ни потом.

Бен повесил трубку, даже не дав Амбер возможности ответить. Что возомнил о себе этот подозрительный, злобный тип? — не на шутку разозлилась девушка. Да таких эгоистов, как он,

еще поискать надо! И неизвестно, кто первый сбежал из города!

А что касается фермы, так это собственность его бабушки. Если Амбер уговорит Перл Синклер ее продать, никакой Бен не поможет. Она придет завтра на ферму, только не в четыре, а в три и с толстой чековой книжкой в руках. Да еще припасет кое-какие козыри в рукаве, что помогут уломать старую леди.

Бен хочет войны? Он ее получит!

— Кто звонил? — потребовала ответа Беверли.

Амбер положила трубку и повернулась к своей мачехе. Похоже, Беверли тоже настроена агрессивно. Но причин лгать ей нет.

— Бен Синклер, — с некоторым вызовом произнесла Амбер. — Внук Перл Синклер.

Брови Беверли поднялись, затем опустились.

— Твой отец так и говорил, что его нужно ждать со дня на день. Чего он хотел?

— Видеть меня. На ферме. Завтра днем.

— Как выглядит этот Бен Синклер?

— Высокий, привлекательный брюнет.

— Вот как? Сколько ему лет?

— Под тридцать, — сообразила Амбер. Он примерно на год старше ее, а ей скоро будет двадцать девять.

— Хитрый?

— Не то слово!

Брови Беверли снова удивленно поднялись.

— Вот как?!

— И негодяй, каких мало!

— Что я слышу, Амбер! Ты никогда еще не говорила с такой страстью ни об одном мужчине. Возможно, я ошиблась. Возможно, ты все-таки не лишена женских слабостей. И тебе просто нужен подходящий мужчина. Я заинтригована. Думаю, я приглашу этого Бона Синклера на ужин.

— Не смей!

— Амбер, это мой дом. Я приглашаю, кого хочу.

— Думаю, у папы есть свое мнение на этот счет.

— Уверена, твой отец с радостью согласится. Он всегда утверждал, что с врагом лучше встречаться под собственной крышей. Пойду спрошу у него.

Она величественно удалилась, не обращая внимания на приступ ярости Амбер.

Глава 4

Всю дорогу домой Бен проклинал Тихоокеанское шоссе. Чертова дорога! С правительства нужно содрать семь шкур за то, что оно не выделяет средств на строительство автострады от Сиднея до Брисбена. Неудивительно, что он навещает бабушку так редко.

Всякий, кто садится за руль и направляется на север вдоль побережья, рискует свернуть себе шею.

Его часы показывали без четверти три, когда он наконец достиг вершины горы Уингару и начал медленно спускаться в долину, в которой так удобно расположился город Санрайз.

Слава богу, он приедет на ферму заранее и успеет как следует подготовиться к встрече с Амбер. И обсудит все вопросы с бабушкой.

Он так и не смог дозвониться до нее. Видимо, она то ли специально, то ли по недосмотру не положила на место трубку.

Бабуля — женщина независимая и упрямая.

Сколько раз наотрез отказывалась от денег, когда он хотел облегчить ее жизнь! Позвать маляров, чтобы те покрасили ее старый домишко, и то не разрешала! Бабушка никогда ни о чем никого не просила. И очень гордилась этим!

Но бывают ситуации, когда без помощи родных не обойтись.

А он сейчас ее единственный родственник. Мама после долгих лет мытарств по больницам умерла в прошлом году: печень все-таки не выдержала. Дядя Джек, старший сын бабушки, погиб на вьетнамской войне.

Бабуля пережила всех своих братьев и сестер, а ее многочисленные племянники и племянницы не утруждали себя заботой о старой тетушке Перл.

Лишь он один может постоять за нее. И не дать не знающим жалости хищникам, подобным Амбер Холлингзуорт, испортить ей последние годы жизни. Если бабуля хочет умереть на своей разваливающейся старой ферме, она имеет на это полное право. И никто не может винить старушку за то, что она цепляется за свои воспоминания.

Каким соловьем заливалась вчера Амбер, изображая душещипательную заботу о будущем города и о безработных! Святая Амбер Холлингзуорт! Дудки! Его не проведешь! Небось собирается баллотироваться в мэры, как ее папаша несколько лет, назад.

В Санрайзе ни для кого не было секретом, что Эдвард Холлингзуорт стремился во власть лишь для того, чтобы лоббировать интересы собственного бизнеса; проблемы города его нисколько не волновали. Именно поэтому горожане и прокатали его на выборах.

Бабушка права. Нельзя доверять Холлингзуортам, особенно когда они начинают разглагольствовать о высоких идеях. Бен догадывался о жизненных принципах Амбер Холлингзуорт. Такие считают себя пупом земли.

А горбатого лишь могила исправит!

Бен осторожно спустился к подножию холма и направился в центр города по широкой, но почти пустой центральной улице. Лишь с полдюжины машин стояло у тротуаров.

Он сбросил скорость и нахмурился. Половина магазинов закрыта; в пустых витринах выставлены объявления «Сдается в аренду».

Группы молодых людей угрюмо подпирают стены рядом с кафе. Большинство курят. Некоторые сидят на тротуаре. Многие зло косились в его сторону, словно он не имел права ездить на таком шикарном автомобиле. Девицы просто глазели на него раскрыв рот.

Возможно, Амбер не слишком преувеличивала проблему безработицы. Санрайз и впрямь выглядел довольно убого.

Но это вовсе не значит, что она должна непременно строить магазин на месте бабушкиной фермы, возразил себе Бен. Как будто нет другого места! А действительно, где? Тут же закралась новая мыслишка. Бабушкина ферма — единственный незастроенный ровный участок на многие мили вокруг.

Его и без того уже мрачное настроение окончательно ухудшилось, когда он, свернув за угол последнего дома, увидел впереди шикарную белую машину, остановившуюся перед бабушкиными воротами, а рядом с ней хорошо знакомую длинноногую блондинку.

На часах и трех-то нет!

Бен сполна насладился тревогой в голубых глазах Амбер, когда он, заглушив двигатель и выбравшись из прохладного, благодаря мощному кондиционеру, салона на испепеляющую жару австралийского лета, встал, облокотившись на капот автомобиля, чтобы намеренно неторопливым взглядом оценить красоту нынешней Амбер.

Она выглядела виноватой — значит, понимает, что приехала подозрительно рано.

Да, ничего не скажешь, потрясающая женщина, даже в простеньком платьице в розовый горошек и с волосами, закрученными в пучок. Почему-то ему казалось, что Амбер придет в строгом костюме, подчеркивающим ее высокое положение. В черном или в красном. В Сиднее деловые женщины обычно выбирают для официального костюма черный или красный цвет. Либо она не носит подобных костюмов, либо намеренно выбрала сегодня такой наряд по каким-то тайным причинам. Бен не мог не признать, что ее невинный деревенский облик взволновал его до глубины души и почти полностью обезоружил.

Его взгляд скользнул по ее босоножкам, открывающим розовые накрашенные ногти, потом медленно поднялся по голым загорелым ногам, останавливаясь на изящных икрах и прелестных коленях, прошелся по широкой юбке, перехваченной на тонкой талии пояском, и наконец остановился на груди.

Он все эти годы досадовал, что ни разу не коснулся тогда ее груди. Не обнажил ее. Хотя тысячи раз делал это в своих фантазиях и до той ночи.., и после.

Думать об обнаженной груди Амбер — гибель для него! И как бы в подтверждение этого его плоть непроизвольно дернулась. Бен испуганно поднял глаза, но, как назло, его взгляд задержался на сочных губах девушки, обведенных леденцово-розовой помадой. Он никогда не забудет вкус ее губ. Их аромат. Ну почему же он чувствует себя столь беспомощным теперь, когда оказался один на один с ней?

Амбер не могла поверить, что стоит здесь и позволяет ему вот так бесцеремонно разглядывать ее. С такой пугающей смесью презрения и желания. Но хуже всего была ее собственная физическая реакция. Сердце заколотилось. Кровь побежала быстрее.

Что будет, если он вдруг обнимет ее сейчас? Что ей делать? Эта мысль ужасала и одновременно очаровывала девушку. Она почувствовала, что лицо ее пылает от возбуждения, но это, похоже, лишь раздражило его.

— На воре шапка горит, не так ли? — насмешливо проговорил он, выпрямляясь. — Вернее, щеки.

Краска отхлынула от лица Амбер.

— Не понимаю, о чем ты говоришь.

Бен засмеялся.

— Я в восторге, Амбер. Надеюсь, ты сгораешь со стыда? Я же просил приехать к четверем, а ты появилась на час раньше, несомненно в надежде завоевать расположение бабушки прежде, чем я смогу поговорить с ней.

— Вряд ли когда-нибудь наступит день, когда я буду сгорать со стыда перед тобой, Бен Синклер, — проговорила она, с подчеркнутым достоинством обходя свою машину.

Но руки тряслись, когда она распахнула дверцу и достала с сиденья коробку с яблочным пирогом.

Будь он проклят, этот Бен Синклер! Какое право он имеет судить ее столь строго, если его собственное поведение в ту ночь было ничуть не лучше, чем ее? И как получилось, что он заимел над ней такую власть? Не так уж он и хорош собой. Встречала она и более привлекательных мужчин. С более правильным профилем. С более красивым телом. Но что за чертовщина — один дерзкий взгляд этих страстных черных глаз, и она уже теряет рассудок.

Это несправедливо!

Скрип двери заставил Бена оглянуться.

Бабушка спускалась по ступеням, опираясь на палку.

Что, черт возьми, она делает с этой палкой?

Упала? Страдает от ревматизма или артрита?

Бен не знал. Он внезапно увидел все ее семьдесят девять лет. Слабое, худое тельце под дешевым цветастым платьем. Седые всклокоченные волосы, которым не помешала бы завивка. Стоптаные шлепанцы на ногах.

Весь ее вид символизировал неустроенную старость. Его сердце сжалось. Он почувствовал на себе взгляд Амбер и признал, что многие из ее обвинений оказались справедливыми. Да, он был эгоистом. Неужели трудно было догадаться, что бабушка расстроится, если он не приедет на Рождество домой?

Что ей будет ужасно одиноко?

— Бен, — строго проговорила она, — почему ты не сообщил мне, что приезжаешь?

— Слишком трудно было сообщить тебе, проговорил Бен, подбежав к бабушке и крепко прижав ее к груди. — Как мне объяснили в телефонной компании, ты не положила трубку на рычаг.

— Но я положила! — запротестовала Перл. — Я... Да.., да, я снимала ненадолго трубку позавчера вечером. Должно быть, забыла положить ее на место. Я.., э-э.., похоже, стала немного забывчивой.

— Зачем ты это сделала, бабуля? — настороженно спросил Бен. — Были звонки с угрозами, да?

Перл была ошеломлена.

— Что.., что ты имеешь в виду?

— Я читал местную газету, бабуля. Мне приносят ее каждую неделю. Я думал, ты знаешь.

— О, я.., я забыла...

— Почему ты не позвонила мне и не сказала, что происходит?

— Я.., я не хотела тревожить тебя. Ты так много работаешь там, в Сиднее. А это моя проблема, — непреклонно закончила она.

— Когда моей бабушке угрожают, это уже становится моим делом.

— Но был только один звонок, — признала она, несколько смутившись из-за тревоги внука.

Амбер тронули их отношения. Без всяких сомнений, Бен очень любит свою бабушку. А старушка души не чаёт во внуке и безумно скучала одна.

Но это гордая старая леди. Слишком гордая, чтобы попросить его приезжать почаще.

Или помочь ей.

Даже если без помощи Бена не обойтись.

Амбер осталась стоять за воротами, чувствуя себя крайне неловко. Она не сомневалась, что миссис Синклер видит свою нежданную гостью, но притворяется, будто ничего не замечает.

Амбер ясно представила, что ее ждет. Бен, разумеется, обвинит ее в этом звонке с угрозами, в преследовании бедной старушки, хотя на самом деле она пыталась предложить той вполне приличную сумму, чтобы обеспечить достойную старость.

— И что же это был за звонок?

— Что? Да, собственно.., ничего особенного.

— Бабуля, не води меня за нос. Рассказывай.

— Но я не могу повторить таких слов, Бен.

— Значит, звонил мужчина? Ругался?

— Я никогда не слышала сразу столько грубых слов!

— И чего он хотел?

— Требовал убираться отсюда, иначе... Она наконец взглянула через плечо Бена и увидела Амбер.

Бен тоже взглянул в направлении Амбер, которая изо всех сил старалась не выглядеть глупо, стоя у калитки со своим пирогом к чаю.

— Иначе что? — проскрипел зубами Бен.

— Он не сказал, что именно.

— Но напугал тебя достаточно, чтобы ты не положила трубку на рычаг, — высказал догадку Бен.

Амбер решила, что с нее довольно.

— Холлингзуорты не имеют никакого отношения к этому отвратительному звонку, миссис Синклер, — уверенно проговорила она, полностью игнорируя злобный взгляд Бена. Мы так не поступаем. Думаю, статья в газете разозлила некоторых людей в городе, которые могли бы получить работу на строительстве комплекса. К сожалению, как только вмешивается пресса, подобные вещи случаются.

— Что она делает здесь, Бен? — строго проговорила Перл.

— Я пригласил ее, бабуля.

— Зачем?

— Когда я не смог дозвониться до тебя, то позвонил Амбер, чтобы узнать, что происходит. Она захотела снова поговорить с тобой, и я решил, что лучше всего — в моем присутствии.

— Хм! Мне кажется, что тебе меньше всего этого хотелось, — пробормотала старая леди. — Насколько помню, вас двоих никогда не связывали нежные чувства.

— Да, раньше так и было, бабуля. — Слова Бена просто ошеломили Амбер. — Но сейчас все изменилось. Мы уже взрослые, и, думаю, пришло время поговорить как взрослым — ты согласна, Амбер?.

У Амбер глаза полезли на лоб. Неужели она не ослышалась? Бен Синклер сказал, что хочет оставить в прошлом старые обиды? С ума сойти!

— Ну.., э-э... — забормотала Амбер и смутилась еще больше, когда Бен неожиданно улыбнулся, правда, не особенно весело, но все же, оказывается, он не всегда выглядит таким мрачным или раздраженным. Улыбка согрела его лицо и прибавила удивительного блеска черным глазам, которые обычно леденили ее арктическим холодом.

— Второй раз за всю жизнь удалось лишить тебя дара речи, — с сарказмом проговорил Бен. — Должен признать, тебе это идет.

Бабуля, не пригласить ли нашу гостью в дом, чтобы послушать, что она приготовилась сказать?

— Как хочешь, — бодро отозвалась Перл. Но я все равно не продам. А что это ты принесла, девочка? — тут же спросила старушка, указывая палкой на коробку в руках Амбер.

— Пирог к чаю, — призналась Амбер. Перл облизнула губы и явно призадумалась.

— С яблоками?

Амбер изо всех сил постаралась не рассмеяться.

— Он самый.

— Ммм. В таком случае вам лучше войти в дом. Никогда не могла устоять перед яблочным пирогом!

Вен подозрительно посмотрел на Амбер.

Вряд ли это совпадение. Она явно постаралась узнать, чем можно смягчить сердце бабушки или по крайней мере как легче всего проникнуть на ее кухню.

— Вы уверены, что я могу войти в калитку? Амбер едва заметно улыбнулась. — Я имею в виду..., ваш ужасный волкодав сидит на цепи?

— Ты что, смеешься надо мной, девочка? проворчала старушка.

Амбер не зря играла в школьном театре.

— Ей-богу, нет, мэм. Просто после всего, что вы рассказали корреспонденту местной газеты, я до смерти боюсь вашей огромной старой борзой. Рокки, так, кажется, его зовут?

Видимо услышав свою кличку, пес появился из-за двери и неторопливо подошел к калитке, свесив набок розовый слюнявый язык и дружелюбно виляя хвостом. Ему явно хотелось, чтобы Амбер почесала его за ухом — чем она долго занималась в прошлый раз, когда Рокки сразу улегся у ее ног.

Амбер осторожно переложила коробку в левую руку, чтобы правой рукой исполнить собачью мечту. Рокки тут же заурчал от удовольствия.

— Придется отдать этого бесполезного остолопа на живодерню, — вздохнула хозяйка. Или куда отдают бесполезных собак. Ваша взяла, заходите. Бен, оттащи этого слюнявого идиота и впусти гостью. Пойду поставлю чайник. Но не думайте, что и меня, как Рокки, можно купить хорошим обращением, предупредила она и направилась в дом.

— Предатель, — пробормотал Бен, отгаскивая пса от Амбер. — А ну, место! — приказал он, и пес послушно побрел за хозяйкой.

— Приятно видеть, что не все живущие на ферме Синклеров ненавидят Холлингзуортов, — не могла не сказать Амбер. — Неужели собаки и дети и впрямь способны лучше взрослых судить о характере человека?

Бен снова улыбнулся.

— Ты намекаешь, что я неверно судил о тебе все эти годы, Амбер?

— Я могла измениться.

— Неужели? Как интригующе. Ну-ка, дай сюда пирог, пока не уронила. — Он забрал коробку из рук девушки и почему-то поставил ее на землю. И прежде чем Амбер поняла, что у него на

уме, обхватил ее голову руками и поцеловал через калитку.

Она не задумываясь отдала ему свои губы и, когда его язык проник сквозь ее зубы, слегка застонала от удовольствия.

Бен немедленно выпрямился и шагнул назад, оставив Амбер стоять с широко раскрытыми глазами.

— Видала? — презрительно процедил он. Ты ничуть не изменилась.

Не изменилась, обреченно признала Амбер, когда весь ужас происшедшего обрушился на нее. Опять она проявила слабость и капитулировала перед ним. Только на этот раз она не пыталась показывать, будто ей все безразлично. Слезы отчаяния наполнили ее глаза. Минуту назад она думала и надеялась, что они могли бы положить конец прошлому и даже стать друзьями.

Амбер проглотила комок, застрявший в горле, и с трудом произнесла:

— Надеюсь, твоей бабушке понравится пирог, а я лучше поеду домой. Не буду зря терять время.

Повернувшись, Амбер в слезах бросилась к машине, захлопнула за собой дверцу и завела двигатель, не обращая внимания на крики Бона подождать. Она до конца вдавила педаль, колеса взвизгнули, и машина умчалась прочь.

В зеркале было видно, как Бен бежит следом в клубах пыли. Потом он остановился посреди дороги, глядя ей вслед.

— Негодяй, — пробормотала она, ударив кулаком по рулю. — Негодяй!

Глава 5

Бен беззвучно выругался. Как он смел так унижить ее?

Пусть она сразу и с совершенно ошеломительным жаром ответила на его поцелуй. Ну и что? Он не имеет права обвинять ее в том, в чем и сам грешен. Сколько раз он целовал женщин, которых даже не уважал, не говоря уже о любви!

— Бен! — окликнула его бабушка с веранды. Что ты там торчишь посреди дороги? И где мисс Холлингзуорт?

Бен вздохнул и побрел назад, подобрав по пути коробку, которую поставил у калитки две минуты назад. Две ужасные минуты. Как бы ему хотелось вернуть их и прожить заново! Тогда бы он точно не поддался своему жалкому порыву и не поцеловал бы ее. Что он пытался этим доказать? Что она распутная дрянь, не достойная жалости?

— Бен? — принялась допытываться бабушка, когда он поднялся на крыльцо с коробкой в руках. — Бен, что случилось? Что ты натворил?

— Что я натворил? — эхом откликнулся он. Я обидел ее. Вот что я натворил.

— Да, ничего нового. Сколько помню, между вами никогда не было мира. Ни одного нормального слова не можете сказать друг другу. Но раньше у этой девочки на твои колкости всегда готов был достойный ответ. Что заставило ее нынче удрать?

Бен вздохнул.

— Думаю, я зашел слишком далеко, бабуля.

Ее брови приподнялись.

— В каком смысле?

Бен решил, что сказал достаточно.

— Так, ерунда. В конце концов, я избавился от нее, не так ли? Журналистам ты сказала, что мечтаешь именно об этом. Быть в стороне от Холлингзу ортов.

Бен заметил тревогу в глазах бабушки.

— Ты сказал, что она не вернется? Никогда?

— Ради бога, успокойся, — раздраженно проговорил он. — Ты ведь не хочешь продавать ферму! — И тут неприятная мысль возникла в его голове. — Господи, бабуля, а ну-ка живо признавайся: вся эта история с газетой, часом, не попытка выжать из Холлингзу ортов побольше денег?

— Ничуть! — возмущенно запротестовала она.

Бен прищурился, заметив, что бабушка не смотрит ему в глаза. Значит, она не говорит правду. По крайней мере.., всю правду и только правду.

— Ты что-то задумала.

— Глупости, — не признавалась она. — Что я могла задумать?

— Не знаю. Но скоро выведу тебя на чистую воду.

— Ты очень подозрительный мальчик, Бен Синклер. И слишком быстро веришь плохому о людях.

— Возможно, но не тебе говорить. Горшок чайник винит: больно сажей ты покрыт!

— Кстати, о чайнике. Он уже, наверное, весь выкипел.

— Боже мой, ты до сих пор кипятишь воду на этой старой дровяной плите? Я ведь прислал тебе на Рождество чудесный электрический чайник. Не говоря уже о микроволновой печи и автоматическом тостере. — Рождество и день рождения — единственные дни, когда Бен мог позволить себе хоть как-то порадовать бабушку. Но даже в этих случаях она всегда отказывалась от дорогих подарков, и он надеялся, что уж кухонную утварь ни один разумный человек не отвергнет.

Бен последовал за бабушкой и по дороге положил наконец телефонную трубку на рычаг. Из-за двери кухни слышалось шипение чайника. Бен поставил на стол яблочный пирог и огляделся. Все его подарки гордо красовались на полке, но ни один не был распакован.

— Бабуля, ты даже не достала электрический чайник из коробки. И вообще ни один из моих подарков.

— Прости. Ума не хватает читать все эти толстые инструкции, которые к ним прилагаются. Не злись на меня, Бен. Я очень довольна твоими подарками. Но старую собаку новым трюкам не научишь.

— Что и говорить, Рокки ты неплохо откормила, — Бен кивнул на упитанного пса. — Для некогда известного на всю округу забияки это новая страница жизни.

Перл захихикала.

— Да уж, выставил меня полной дурой перед Амбер.

— Не принимай близко к сердцу, бабуля.

Не он один потерял голову от Амбер Холлингзуорт.

— Ты тоже? — спросила Перл, заваривая чай.

— Боюсь, да, — признал Бен.

— Хорошенькая девочка.

— Давно уж не девочка. Ей сейчас, должно быть, двадцать девять. И замужем была, и бог знает сколько любовников имела. Амбер не из тех, что долго обходятся без дружка.

— Кто бы мог подумать! Я не слышала о ней ничего такого. А впрочем, ты знаешь, как любят почесать языком в нашем городишке.

Стоит девочке остановиться на улице и поболтать с парнем, как их тут же зачисляют в любовники.

Бен знал об этом, но не мог представить Амбер без любовника. Целых три года прошло, как она развелась!

— Садись, ради бога, — сказала Перл, открывая коробку с пирогом. — Господи, самое вкусное лакомство к чаю. И калорий мало, могу гарантировать. А чего ты так на него смотришь, будто привык к чему-то более достойному? — продолжила она, разрезая пирог на кусочки. — Это твоя городская подружка так тебя избаловала?

Бен закатил глаза — опять за свое! Один и тот же разговор, стоит ему приехать домой: плохо ест. Вроде бы не худенький!

— Я живу один, бабуля, и ты это прекрасно знаешь, — проговорил он и со вздохом уселся на заскрипевший под ним затертый деревянный стул.

— Разве Бренда не переехала к тебе?

— Господи, нет, конечно! Что за ужасная мысль!

Перл, хмурясь, разлила по чашкам чай.

— А я-то надеялась, ты скоро женишься.

На Рождество вот ездил знакомиться с ее родителями.

— Не совсем.

— Неужели я ошиблась?

— Нет, это я ошибся, бабуля. Надо было приехать домой и встретить Рождество с тобой. Было бы куда веселее. Я скучал по тебе.

Сердце Бена тронула слезинка, блеснувшая в глазах бабушки. Перл поспешно отвернулась и отчаянно заморгала.

— Я тоже очень скучала по тебе, внучек.

Но сейчас ты дома...

— Да. И пока я здесь, нам нужно серьезно поговорить о предложении Холлингзу ортов.

Я знаю, ты не хочешь продавать ферму. Такой была и моя первая реакция. Но ты, увы, не становишься моложе, бабуля, а дом этот крайне запущен. Никто не предложит тебе больше, чем Холлингзу орты. На их деньги ты можешь купить хорошенький маленький домик поближе к городу, и еще останется немало, чтобы побаловать себя.

— Я никогда не любила баловать себя, — ответила Перл, усаживаясь за стол.

Бен нежно взял ее морщинистую, опаленную солнцем руку.

— Ты действительно хочешь остаться здесь навсегда, бабуля? Или просто упрямишься?

Она выдернула руку и гордо вскинула голову.

— Я имею право упрячиться, если хочу! И имею право прожить остаток моих дней там, где пожелаю.

Зазвонил телефон, и бабушка от неожиданности подпрыгнула на стуле. Бен заметил удивление в ее округлившись глазах. Или страх?

— Все в порядке, бабуля, — успокоил он. — Я подойду.

Он поднялся и вышел в коридор, где на шаткой тумбочке надрывался телефон, словно разозлившись, что так долго оставался без действия. Бен снял трубку.

— Послушай-ка, старая, глупая кошелка! прорычал грубый мужской голос, прежде чем Бен успел сказать хоть слово. — Уноси отсюда свои старые кости, пока это не сделали за тебя! У тебя неделя, чтобы продать свою развалюху и убраться подобру-поздорову. А нет, так тебе не потребуется никакой дом. Усвоила?

Бен уже открыл было рот, чтобы ответить, но в трубке раздались гудки.

— Черт возьми! — пробормотал Бен. Оставалось только надеяться, что это совпадение.

Что звонок случайно раздался вскоре после того, как Амбер вернулась домой и рассказала отцу о неудаче с покупкой. Может быть, ее громкоголосый отец позвонил кому-нибудь из своих сподручных? Или так развлекается один из местных жителей, недовольный тем, что из-за упрямства одинокой старухи останется без работы?

— Это Амбер? — спросила Перл, подойдя к двери кухни.

— Нет, — выпалил Бен. — Еще один хулиганский звонок. Бросил трубку прежде, чем я мог вразумить его.

Бабушка побледнела, и Бен пожалел, что не успел придумать успокоительную ложь.

Не дай бог, еще в обморок упадет!

— Что.., что он сказал? — спросила она, когда он помог ей добраться до кухни и усадил в кресло, а сам присел рядом.

— Думаю, то же самое, что и в прошлый раз. Продавай и убирайся, иначе...

— О боже! — Перл схватилась за сердце.

— С тобой все в порядке? — встревоженно спросил Бен.

— Я.., я просто не могу понять...

— Что люди могут быть такими злыми? — подсказал Бен. — Такова горькая действительность.

— Нет.., я не об этом. Просто я...

— Что?

— Ничего. Уже слишком поздно.

— Продать ферму? Нет, совсем не поздно, если ты этого хочешь.

— Продать? Из-за того, что какой-то хулиган звонит и ругается в трубку? Ни за что!

Пустые угрозы! Эти хулиганы только болтать горазды.

Бен покачал головой. К сожалению, опасность, что на этот раз дело одним лишь сотрясением воздуха не ограничится, слишком велика, но стоит ли пугать бабушку?

Действительно, самое безопасное и, возможно, лучшее решение — уговорить ее продать ферму и переехать к нему в Сидней. Он легко найдет покупателя на свою квартиру и купит хорошенький маленький домик где-нибудь в пригороде, недалеко от бухты. Бабушка всегда хотела жить рядом с океаном.

Но сегодня еще рано говорить о своих планах. Нужно подождать день или два, пока ситуация утрясется.

— Прости, бабуля, но, похоже, ты права и лучше не класть трубку.

— А если Амбер попытается позвонить тебе?

— Ты шутишь. Амбер ни за что это не сделает.

— А вдруг она захочет позвонить мне?

Словно услышав их разговор, телефон зазвонил снова. Бен, однако, не сомневался, что это не Амбер. Телефонные хулиганы обычно бывают настойчивы.

— Так! — проговорил он, вскакивая на ноги.

— Бен, только не ругайся! — крикнула вслед Перл, когда он решительно двинулся к телефону. — Нет нужды опускаться до уровня этих людей!

Нет, Бен не мог согласиться с бабушкой. Бывают ситуации, когда единственный выход поговорить с этими людьми на их языке. Некоторые подонки не понимают по-другому. Самый весомый аргумент для них — хороший удар в челюсть.

— А сейчас послушай ты, мешок с дерьмом! — проревел он, едва взяв трубку. — Если я поймаю тебя рядом с бабушкой или ее домом, ты будешь выглядеть как после пятнадцати раундов с Майком Тайсоном. Сообщаю также, что по новому закону телефонное преследование карается тюремным заключением. Полиция может вычислить твой номер за считанные секунды. Так что, если не хочешь, чтобы с тебя спустили шкуру, не звони больше по этому телефону! А еще лучше — убирайся вон из Санрайза и чтоб ноги твоей здесь больше никогда не было!

Бен ожидал, что звонивший немедленно бросит трубку. Вместо этого воцарилось короткое молчание, после чего несколько высокомерный женский голос произнес:

— Полагаю, это Бен Синклер? Очевидно, вы приняли меня за кого-то другого. С вами говорит Беверли Холлингзуорт, жена Эдварда Холлингзуорта и мачеха Амбер.

Бен на мгновение закрыл глаза, благодаря Бога за то, что его собеседница не видит краски стыда на щеках. Он уже обдумывал слова извинения, но потом решил, что женщина, выслушавшая подобную тираду с таким холодным апломбом, не нуждается в деликатностях. Он никогда не встречался с Беверли, но мог представить, что жена Эдварда Холлингзуорта вряд ли тепличный цветок.

— Я звоню, чтобы пригласить вас поужинать с нами завтра вечером. Мой муж хотел бы обсудить с вами кое-какие дела, но, к сожалению, из-за болезни не может покидать дом.

— Не беспокойтесь, миссис Холлингзуорт, ответил Бен со всей учтивостью. — Я с удовольствием принимаю ваше приглашение.

— Чудесно. Вас устроит в семь тридцать?

— Буду минута в минуту.

— Превосходно. Мне давно хотелось познакомиться с вами, мистер Синклер. Я так много слышала о вас.

— Неужели? Очень приятно!

— О, нет. Ничего приятного. — На другом конце линии раздался смешок. — Похоже, вы сегодня крепко повздорили с моей падчерицей. Она вернулась домой и наотрез отказалась говорить отцу, что произошло. Просто объявила, что не может больше вести с вами никаких дел, а потом заперлась в своей комнате. Не могли бы вы просветить меня, что случилось?

Бен решил, что ему ничуть не нравится Беверли Холлингзуорт.

— Думаю, Амбер просто не правильно поняла меня. Однако, если будете говорить с ней, передайте, пожалуйста, мои извинения и скажите, что я надеюсь увидеть ее завтра вечером.

Бабушка с подозрением взглянула на него, когда он вернулся на кухню.

Бен криво усмехнулся.

— Похоже, я пальнул наугад, бабуля. Звонил не наш телефонный хулиган. А миссис Беверли Холлингзуорт.

— О боже...

— Именно так. Но хорошо то, что хорошо кончается. Я приглашен завтра на ужин к Холлингзуортам. Отец Амбер, очевидно, собирается сделать нам предложение, от которого будет трудно отказаться. Что ты об этом думаешь? Похоже, эта идея ей понравилась. — Что-то говорит мне, бабуля, что ты не настолько против продажи, как демонстрируешь.

— Женщинам свойственно менять свое мнение. Помни об этом. Вот Амбер, например, раньше недолго любила тебя, а теперь даже не знаю, что и подумать. Я неплохо поболтала с ней в понедельник, и ты даже не представляешь, как часто она поминала одного известного мне мужчину, имя которого не буду называть. Скажу лишь, что он работает юристом в Сиднее и разъезжает на шикарном черном автомобиле.

Он засмеялся. Но даже для собственных ушей смех звучал фальшиво и неуверенно.

Неужели это правда? Неужели чувства Амбер к нему глубже, чем он представлял?

Или надеялся? А что, если он сам все эти годы был влюблен в нее? Не может быть!

Его бывшая одноклассница действительно до сих пор притягивает его сексуально, но это не любовь. Да и она к нему абсолютно равнодушна.

— Смейся сколько влезет, — беззаботно сказала бабушка и пододвинула ему большой кусок пирога. — Но однажды ты засмеешься по-другому. Припомни мои слова, Бен Синклер!

Глава 6

Амбер, стараясь ни о чем не думать, лежала на кровати, когда в комнату без стука вошла мачеха. Было лишь начало пятого, еще и часа не прошло после злосчастной встречи с Беном.

— Знаешь, Амбер, — без лишних вступлений начала Беверли, — ты была права насчет Бена Синклера. Он негодяй каких мало. Но ты ошибалась, когда говорила, что он откажется от приглашения на ужин. Сразу согласился.

Амбер закрыла глаза. Невозможно поверить, что Беверли действительно позвала Бена на ужин. И что тот придет.

Ее сердце упало. Отец прав. Здесь возможно лишь одно объяснение. Эта скандальная статья в газете — всего лишь попытка выманить из них побольше денег. Какое разочарование! Амбер знала, что Бен может быть бесчестен, но до чего же трудно поверить, что и миссис Перл Синклер не более чем жадная, хваткая партнерша в этой низкой, бессовестной игре.

— Очень мило! — язвительно продолжала мачеха. — Можешь сколько угодно делать вид, будто меня нет. Полагаю, тебе совершенно неинтересно будет услышать, что мистер Синклер приносит свои извинения и надеется, что завтра увидит тебя за ужином.

Глаза Амбер широко раскрылись от удивления.

— Бен извиняется? Этого Бен не делал никогда.

По крайней мере.., она не могла себе этого представить.

— Ишь как оживилась, — уколола Беверли. Похоже, этот Бен Синклер действительно интересная личность, раз привлек твое внимание. А он даже не богат!

Амбер вздохнула.

— Ты ошибаешься насчет меня, Беверли.

— Не думаю. Я тебя хорошо знаю.

— Неужели? — Амбер встала и подошла к окну спальни, из которого открывался живописный вид на долину и городок. — Ты ничего не знаешь обо мне, — пробормотала она. Ничего...

— В таком случае удиви меня своим присутствием на завтрашнем ужине. Сделай наконец что-нибудь для своего отца! Чем объясняется твое плохое настроение? Тебе наскучила игра в деловую женщину, раз твой любимый проект забуксовал? Или просто заранее не можешь пережить успех отца там, где ты провалилась? Потому что уже завтра вечером он обязательно заставит твоего самоуверенного дружка убедить старушку продать ферму — запомни мои слова!

— Бен, конечно, самоуверенный тип, но он вовсе не мой дружок, — спокойно проговорила Амбер. — Никогда не был таковым и никогда не будет?

— Ах, вот в чем кроется причина твоей неприязни к нему. В толпе слепых дурачков нашелся один уважающий себя мужчина, который не бросился к ногам красотки Амбер Холлингзуорт.

Амбер грустно усмехнулась.

— По крайней мере на сей счет ты права.

Но во всем остальном ошибаешься. Если я когда-нибудь и покину этот дом, то только из-за тебя, Беверли, а не из-за житейских неудач.

И уж точно не из-за Бена Синклера. Но самая большая глупость — говорить о том, что я завидую деловым успехам отца. Наоборот, я искренне надеюсь, что он преуспеет там, где мне было суждено провалиться. И последнее: не могу представить, каким образом мое присутствие за ужином увеличит его шансы на успех в этом деле, но, если он хочет, я рада помочь.

— Не передумаешь? — напирала Беверли.

— Из-за чего?

— Скорее — из-за кого. Ты заявила, что не желаешь иметь с Беном Синклером никаких дел.

— Это было до его извинений, — бросила она, безразлично пожав плечами. Сегодня Беверли заметила слабое место в доспехах Амбер и явно вознамерилась ее добить. Амбер подозревала, что завтрашний ужин и станет той ареной, на которой Беверли попытается завязать решающую битву со своей падчерицей.

Амбер должна если не победить, то по крайней мере выйти из нее живой и невредимой. А кроме того, ей хотелось самой услышать оправдания Бена. Видимо, ее прежний вывод о том,

что Бен вымогает деньги, не выдерживает критики.

— Обещай мне, что не будешь устраивать сцен за ужином, — настаивала Беверли.

— Я и не собиралась.

Беверли саркастически засмеялась.

— Твоими бы устами да мед пить. Но ты меня не одурачишь. Разве я не вижу, что ты вернулась домой сама не своя? Хотелось бы узнать, что твой друг сказал или сделал, чтобы так взвинтить тебя.

Разумеется, Амбер не собиралась рассказывать мачехе, что Бен поцеловал ее, а затем бросил в лицо старое обвинение: она, дескать, распутная девка, раздвигающая ноги перед первым встречным.

Вспоминая сегодняшний поцелуй, она не могла не признать, что Бен частично прав относительно ее сексуальной слабости. Но только по отношению к нему. Она никогда не была доступной для других мужчин. Она устояла перед напором Криса, когда они встречались. И не спала с Чадом до первой брачной ночи.

Боже, каким кошмаром стал ее брак! Она вычеркнула его из своей жизни и памяти.

Расставшись с Чадом, она не желала больше ни с кем связывать себя. Секс никогда не занимал ее мысли, за исключением тех редких случаев, когда она видела Бена. После встреч с ним Амбер подолгу лежала в постели без сна, раздумывая о своих странных чувствах к нему.

— Должна разочаровать тебя, Беверли, но я не хочу больше обсуждать Бена Синклера. Я уже сказала, что буду завтра за ужином. А сейчас, если не возражаешь, пойду приму ванну.

— Конечно, конечно, дорогая, — проговорила Беверли с медовой улыбкой. — Пойду обрадую твоего отца, что ты согласна присутствовать завтра на ужине.

Когда дверь за мачехой закрылась, Амбер с облегчением вздохнула. Беверли становится совершенно невыносимой. Пора подумать о другом месте для жилья.

Но она не хочет покидать Санрайз! Возможно, многие считают, что все эти годы путешествий по свету со своим богатым, преуспевающим мужем она чувствовала себя на вершине жизни. Но ей хотелось чего-то намного более простого. Хотелось вернуться домой, в маленький прибрежный городок, где она родилась и выросла. Въехав три года назад в Санрайз, она остановила машину и расплакалась.

Нет, никто не прогонит ее из родного города. Даже эта злая ведьма, в которую неожиданно превратилась ее мачеха Беверли.

Амбер вспомнила о коттедже, который был частью нового обменного фонда. Еще сегодня она собиралась предложить его Перл Синклер в обмен на ферму. Там три спальни, небольшой сад и прекрасный вид на океан с вершины холма. Раз сделка не состоялась, почему бы ей самой не поселиться в коттедже — дальше жить под одной крышей с Беверли не вмоготу! Завтра первым делом она отправится туда и посмотрит, что нужно докупить, чтобы уже на днях можно было справить новоселье.

Амбер не замечала, что плачет, пока слезы не докатились до уголков ее губ. В ярости она

вытерла слезы и стремительно направилась через спальню в ванную комнату.

— Будь ты проклят, Бен Синклер! — пробормотала она, открывая воду. — Будь проклят навек!

Глава 7

Впечатляющий дом Холлингзуортов на вершине холма занимал командную высоту над городом. Это было большое белое строение с зелеными ставнями. Четыре белые колонны подпирали балкон, а парадную дверь обрамляли два фиговых дерева в больших зеленых горшках.

Бен подошел к крыльцу за минуту до назначенного срока. Солнце отбрасывало длинные тени и быстро садилось за гористый горизонт.

Слава богу, добрался, подумал Бен, поднимаясь по ступеням. День был исключительно жарким, особенно для начала марта.

И невероятно душным. Стоило Бену вылезти из машины, как его рубашка прилипла к спине.

Что заставило его принять это проклятое приглашение? Нет никаких причин приезжать сюда. Бабушка упрямо отказывается даже разговаривать о продаже фермы. А раз так, то он не имеет права обсуждать новые предложения от ее имени. Не может и обещать Эдварду Холлингзуорту, что попытается переубедить ее.

Так зачем он здесь? Почему не позвонил и не отказался, как только бабушка достаточно ясно объявила о своих намерениях?

Напрасно он убеждал себя, что послушался бабушку, которая настоятельно советовала посмотреть логово Холлингзуортов своими глазами. Себя не обманешь! Истинная причина его появления здесь — Амбер Холлингзуорт.

— Ты просто мазохист, Бен Синклер, — пробормотал он, нажимая на кнопку звонка.

Женщина, открывшая дверь, была явно миссис Беверли Холлингзуорт. Именно такой он себе ее и представлял.

Светлые волосы безукоризненно уложены, а искусно сшитое розовое платье стоит, должно быть, целое состояние. Высокий воротничок частично скрывал морщины на шее. Под стать платью были и огромные жемчужные серьги.

— О, мистер Синклер! — воскликнула она с преувеличенным пылом. — Вы просто поразительно пунктуальны.

Бен подвергся быстрому, но тщательному осмотру. Бабушка предупреждала, что в черных джинсах и полосатой безрукавке он выглядит слишком небрежно. Но Беверли Холлингзуорт, похоже,нисколько не покорибил его внешний вид.

— Добрый вечер, миссис Холлингзуорт, галантно, но холодно произнес он.

— О, зовите меня просто Беверли. Заходите скорее в дом, на улице такая духота! — пригласила она, схватив гостя обеими руками за локоть и чуть ли не впихнув его в спокойную прохладу дома.

Стараясь не обращать внимания на железную хватку хозяйки и излишне крепкий аромат ее

цветочных духов, Бен позволил провести себя через огромную прихожую, отличающуюся поистине дворцовой роскошью — выложенный плитам из итальянского мрамора пол, мраморные колонны, элегантный изгиб лестницы, оригинальная роспись на стенах... — и вошел, опять-таки под конвоем неугомонной Беверли, в гостиную, выдержанную в кремовых тонах и, разумеется, столь же просторную и богато обставленную. Вот бы, наверное, поднялся шум, если бы Рокки наследил здесь своими грязными лапами. Или ребенок вытер бы грязные руки об один из антикварных диванов.

Ясно, что этот дом не создан для детей и животных, а значит, в нем не может быть уюта. Такая гостиная всего лишь витрина благосостояния владельца, а не жилая комната.

Внезапно ему захотелось в старый бабушкин дом с его вытоптанными половичками и потертыми креслами.

— Могу предложить вам что-нибудь выпить, Бен? — произнесла Беверли Холлингзуорт, когда наконец освободила его.

— Да, спасибо. С удовольствием.

— Можно мне называть вас просто Бен? спросила она с застенчивой улыбкой, подходя к бару в углу.

— Конечно, — проговорил Бен. Но не улыбнулся в ответ. Он не любезничает с людьми, которые ему неприятны. — Я бы выпил виски.

Со льдом.

— О! Напиток настоящих мужчин. Именно этого я ожидала.

Бен терпеть не мог, когда женщины, годящиеся ему в матери, начинают заигрывать с ним. Он проскрежетал зубами, чтобы воздержаться от какой-нибудь грубости.

— Амбер говорила мне, что вы адвокат, — Произнесла Беверли, наливая ему виски.

— Именно так.

— Вы не похожи на адвоката.

— Неужели? — Бен воздержался от вопроса, на кого он похож. Ясно, что не в официальном костюме он выглядит как разнорабочий, особенно если воротник расстегнут и волосы не приглажены. К тому же щеки его покрывала вечерняя щетина.

Одеваясь к ужину, он на секунду пожалел, что не привез с собой одежду получше; его тысячедолларовый костюм остался в Сиднее.

Но потом он решил, что отец Амбер с уважением отнесется и к грубоватому мужчине. В конце концов, Эдвард Холлингзуорт сам заработал свои миллионы, а не родился с серебряной ложечкой во рту. По слухам, он начинал свою карьеру водителем грузовика.

— Надеюсь, не слишком много льда? — жеманно улыбнулась Беверли, подавая виски.

— Все отлично. — Бен с удовольствием поднес стакан к пересохшим губам и вдруг услышал шум позади себя.

— А, это ты, Амбер, — игриво проговорила Беверли, прежде чем Бен повернул голову. — Входи, дорогая. Вы не представляете, Бен, как долго она собиралась сегодня. Можно подумать, к ужину прибыл Том Круз.

Все ясно. Беверли Холлингзуорт не любит свою падчерицу и использует его присутствие, чтобы принизить и смутить Амбер.

И Амбер действительно смутилась. Уму непостижимо!

Выглядела она невероятно красивой в светло-лимонном платье, смутно напоминающем то белое бальное платье, которое некогда так возбудило его. Та же пышная юбка, стянутая на талии, и тугий лиф на тоненьких бретельках, поддерживающий по-прежнему фантастическую грудь. Она излучала изумительную смесь чувственности и невинности, когда вошла в комнату. Длинные светлые волосы свободно падали на плечи. Когда она нервно отвела глаза под его восхищенным взглядом, на щеках заиграл необычный для нее румянец.

Ее явное смущение вызвало у Бена странную реакцию. Внезапно ему мучительно захотелось защитить ее. Стереть в порошок злую ведьму-мачеху. Бен едва сдержался, но предпринял более тонкую контратаку.

— Зато конечный результат стоит усилий, проговорил он. — Я никогда не видел Амбер более очаровательной.

При этих словах Амбер покраснела еще больше, и у Бена тоскливо сжалось сердце. Потом она подняла на него свои милые глаза, и он увидел в них странную смесь признательности и робости, словно Амбер не поверила его комплименту и боялась, что он в любой момент обрушится на нее.

— Надеюсь, что Беверли передала мои извинения за вчерашнее, — проговорил он, не сводя глаз со своей бывшей одноклассницы.

— Да, передала, — последовал ее странно взволнованный ответ.

Бен пришел к выводу, что ему нравится эта удивительно неуверенная Амбер. Он хотел бы взять ее на руки, приласкать и успокоить, снова извиниться и убедить в том, что он никогда больше не обидит ее.

— Амбер так и не сказала, чем вы расстроили ее, Бен, — исподтишка вставила Беверли.

— Весьма тактично с ее стороны, — пробормотал он.

Беверли засмеялась.

— Но это не помешало ей называть вас негодяем.

В ответ на вызывающую выходку мачехи девушка гордо вскинула подбородок и с деланным равнодушием кивнула:

— Да, назвала.

К такому поведению Амбер Бен давно привык, и именно это поведение обычно вызывало в нем раздражение. Однако сегодня он не мог не признать ее способность отвечать на оскорбления со спокойным достоинством. Очевидно, Беверли ревнует — понятная эмоция, учитывая

ослепительную красоту ее падчерицы.

— Амбер прекрасно меня знает, — улыбнулся он. — И она совершенно права. Мое поведение в прошлом было весьма предосудительно. Мне ужасно стыдно, но я надеюсь, что со временем она научится прощать меня.

Беверли выглядела поверженной, а Амбер абсолютно растерянной.

— Неужели? — едко проговорила Беверли. Не представляю, что вы могли сделать такого ужасного — разве только не замечать нашу дорогую Амбер. Она просто ненавидит, когда ее не замечают, не так ли, дорогая? Надеюсь все же, что сегодня мы уладим былые раздоры. Я знаю, что отец Амбер будет в восторге, если вы сможете стать друзьями. По крайней мере сделай это для отца, хорошо, дорогая?

— Ты, как всегда, права, Беверли, — коротко проговорила Амбер.

— В таком случае поухаживай за Беном, пока я помогу Эдварду собраться к ужину.

Бен заметил панику в глазах Амбер, когда ее мачеха удалилась из комнаты. Но уже через несколько — мгновений она собралась и метнула на него злобный взгляд.

— Что за спектакль ты тут разыгрываешь, Бен Синклер? Все твои жалкие извинения яйца выеденного не стоят. Как и вкрадчивые комплименты. Признайся, что ты задумал? И зачем согласился прийти сюда? Впрочем, я догадываюсь! Холодный расчет, не так ли?

Или просто не мог отказать себе в удовольствии лишний раз сделать мне больно?

— Амбер, сжался... — неуверенно начал Бен.

— Сжался? А ты хоть раз сжалился надо мной? Или над кем-то еще?

Он молчал несколько секунд. Просто стоял и смотрел на нее, на ее покрасневшее лицо и вздрагивающие плечи.

— Ты права, — наконец согласился он. — Я был маленьким самовлюбленным эгоистом.

И вырос в большого самовлюбленного эгоиста. Но люди меняются, Амбер. Я уже изменился. Ты была права, утверждая, что я никогда не жалел тебя. Не жалел. Меня занимали более примитивные чувства, чем жалость.

Он ужаснулся, увидев в ее глазах слезы.

— Боже мой, Амбер. Не плачь...

— Я и не плачу! — возразила она, усиленно моргая. — А что касается твоих перемен, что-то я их вчера не заметила!

Он обеими руками пригладил свои непослушные волосы.

— Из-за тебя я чувствую себя дрянью.

— Это я из-за тебя чувствую себя дрянью, парировала она.

— Я не хотел этого, — проговорил он тоном искреннего раскаяния. — Не знаю, почему я сделал

то, что сделал. Мне очень жаль.

На ее лице снова читалась растерянность.

Очевидно, Амбер не знала, верить ему или нет. Но она хотела верить. Отчаяние сквозило в ее глазах.

— Я был злым молодым человеком, когда впервые встретил тебя, Амбер, — попытался объяснить он. — Я презирал всех и каждого. И считал, что ты такая же, как все. А кроме того, очень красивая. Богатая. Высокомерная. Сексуальная. Неприступная...

Она ничего не сказала. Просто смотрела и смотрела на него.

— Сейчас я понимаю, что никогда не знал тебя настоящую. Но хотел бы узнать, Амбер.

Очень хотел бы...

Он сделал шаг вперед, но она в панике оттолкнула его.

— Не смей прикасаться ко мне. Неужели ты думаешь, что я снова позволю проделать с собой то же, что вчера? — не слишком уверенно спросила она. — Я никогда не была доступной женщиной. Можешь мне не верить, но обо мне болтали всякий вздор. Ты же знал меня только влюбленной по уши дурочкой, которая позволяла тебе все в ту проклятую ночь. Но я не какая-нибудь надувная кукла, которой ты можешь попользоваться, когда пожелаешь, а потом отбросить в сторону. Я существо из плоти и крови. Я — человек. У меня есть чувства! Мне бывает больно!

Заканчивая тираду, Амбер дрожала с головы до ног. Бен побледнел. Не ослышался ли он, когда она назвала себя влюбленной по уши дурочкой? И почему она так боится его прикосновения?

Грешные мысли, завертевшись в его голове, вероятно, отразились и на лице.

Губы Амбер немедленно изогнулись с неприкрытой издевкой.

— Да, вот это больше похоже на Бена Синклера, которого я знала и презирала, — процедила она. — Пожалуйста, не трудись больше скрывать истинные чувства ко мне. И, ради бога, оставь свои запатентованные комплименты. Ты напрасно сотрясаешь воздух, я больше не веду дела компании. Папа снова взял бразды правления в свои руки. Я согласилась присутствовать на этом ужине только потому, что он попросил меня. Так что не льсти себе и не воображай, будто причина в тебе. И наряжалась я не для тебя. У меня свидание после ужина.

Образ Амбер в объятиях другого мужчины вызвал у Бена вспышку необузданной ревности.

Он схватил стакан с виски, залпом осушил его и с грохотом поставил на стойку.

— Вот повезло парню, — процедил он с беспощадной холодностью. — Ему не придется даже кормить тебя перед тем, как уложить в постель. И кто же этот счастливчик? Местный бизнесмен? Солдат? Моряк? Индейский вождь? Молчишь? Интересно, почему?

Бена понесло, и оскорбления посыпались с его языка одно за другим.

Голубые глаза Амбер вспыхнули.

— Единственное, что мне до чертиков надоело в Санрайзе, — процедила она, — это узколобые

лицемеры, подобные тебе! Не вижу причин обороняться. Или опускаться до опровержений того, что тебе так сладко наговорила Беверли. Должна, правда, разочаровать тебя: я выдумала насчет свидания, потому что не выношу твоей самодовольной уверенности, что я нахожусь в полной твоей власти.

А что касается твоих извечных предположений обо мне, то это ложь — я никогда не была доступной женщиной. Никогда! И сейчас у меня нет любовника. Я ни разу не была с мужчиной с тех пор, как рассталась со своим мужем три года назад.

От таких слов у Бена пересохло в горле.

Она лжет. Не может не лгать!

Амбер засмеялась.

— По лицу вижу, что ты мне не веришь.

Экая новость! В твоих правилах верить худшему обо мне. Очень удобно, так как позволяет оправдать свое поведение той ночью, еще более отвратительное, нежели мое. Ты был грубым и подлым, а я — просто маленькой дурочкой, которая по наивности не могла придумать ничего лучшего. Но теперь я уже не столь наивна, как раньше, хотя и веду себя порой на редкость глупо. Вчера, например, когда ты поцеловал меня. Но самая моя большая глупость состоит в том, что я и вправду поверила, будто ты изменился. А ты совсем не изменился. Такой же грубый и подлый! — Что здесь происходит? — внезапно раздался в гостиной рассерженный возглас. Амбер, ты зачем нападаешь на нашего гостя?

Бен обернулся и увидел Эдварда Холлингзуорта в инвалидном кресле и самодовольную Беверли позади него. Похоже, ее устраивал такой поворот событий.

— Вовсе нет, — шутливо опроверг Бен, вновь почувствовав необъяснимое желание защитить Амбер. — Мы с Амбер любим время от времени пикироваться. Еще в детстве развлекались подобным образом. Я сокрушаюсь, например, насколько она избалованная, а она в ответ заявляет, что никогда не встречала никого тупее меня. Но это не более чем игра, не так ли, милая?

Амбер не ответила. Слово «милая» лишило ее дара речи. Похожее действие оно произвело и на пару в дверях.

Бен решил: кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

Бен вознамерился узнать всю правду. Сегодня же. Об отношениях Амбер с Крисом, о ее браке. Но главное — о ее настоящих чувствах к нему.

Каковы бы ни были эти чувства, они весьма сильны. Иначе она не расстраивалась бы так из-за него.

Он подошел к ней сзади и нежно положил руки на плечи.

— Представляешь, несносная девчонка, они думают, будто мы не любим друг друга.

Не погулять ли нам после ужина, Амбер?

Она повернула голову, чтобы посмотреть на него. Мышцы ее напряглись, но в глазах

невозможно было ничего прочитать. Они словно остекленели. Взгляд Бена упал на приоткрытые губы, и его охватило нестерпимое желание поцеловать ее.

— Амбер не гуляет так поздно с мужчинами, не правда ли, дорогая?

Бен должен век благодарить Беверли за своевременное вмешательство, поскольку именно оно подтолкнуло Амбер к действию и качнуло весы в его пользу. Ее голубые глаза прояснились, и она холодно и презрительно взглянула на мачеху.

— Обычно да, — согласилась Амбер. — Но Бен — иное дело. Бену можно доверять правда, милый?

Хотя Бен прекрасно понимал, что последние слова — сарказм, обоюдоострый меч, он не мог не насладиться ими. Понравился ему и эффект, произведенный на Беверли. Она пришла в бешенство. Отец Амбер с любопытством смотрел то на дочь, то на гостя.

Даже несмотря на болезнь, Эдвард Холлингзуорт выглядел весьма грозно. Из тех мужчин, которые любят идти собственной дорогой и которых не испугают никакие препятствия.

— Интересный поворот дела, — процедил Эдвард. — Не означает ли это, что вы теперь с большей охотой продадите свою землю, мистер Синклер?

Бен совершенно забыл о ферме. Не говоря уже о телефонном звонке с угрозами.

— Боюсь, нет, — ответил он с обманчивым безразличием. — Ферма принадлежит моей бабушке, а она отказывается ее продавать. И ничто не устроит миссис Перл Синклер.

Отец Амбер напрягся в кресле.

— Что вы имеете в виду — «не устроит ее»?

— Ей угрожают по телефону.

— Вы знаете кто?

— Пока нет. Но если я найду его...

— Холлингзуорты не имеют к этому никакого отношения, — проговорил Эдвард.

— Надеюсь.

Хозяин дома нахмурился.

— Перл не собирается заявить об этом в местной газете?

— Не знаю.

— Есть такие понятия, как «клевета» и «оскорбление чести и достоинства».

— Я знаком с ними.

— Тогда советую предупредить вашу бабушку, что я без колебаний подам в суд, если мое доброе имя будет опорочено.

— Это ваше право.

Эдвард Холлингзуорт был явно рассержен ходом их разговора.

— Тогда, думаю, нет смысла пытаться уломать вас за бокалом вина? — раздраженно проговорил Эдвард. — Нет смысла предлагать больше денег?

— Нет смысла.

— Но вы по-прежнему собираетесь после ужина увезти мою дочь? — проворчал он.

Бен улыбнулся.

— С вашего разрешения, сэр.

— Ха! Амбер никогда не спрашивает у меня разрешения. Но ее счастье очень важно для меня. Ты хочешь прогуляться с этим дерзким молодым человеком, доченька?

— Скорее нет, чем да.

— Но все равно поедешь?

— Если Бен настаивает.

Бен пытался выглядеть спокойным, когда взглянул на нее. Лишь несколько дюймов разделяли их лица. Он едва удержался от того, чтобы не поцеловать эти страстно тянувшиеся к нему губы. .:

Но он испугался, что этим все испортит.

Каким-то образом ему удалось выдавить из себя беззаботную и, как ему хотелось надеяться, обезоруживающую улыбку.

— Конечно, настаиваю, Амбер, — проговорил он со смехом. — Настаиваю.

Глава 8

Амбер приняла окончательное решение где-то между десертом и кофе. В течение всего ужина она тщетно пыталась бороться сама с собой. Инстинкт самосохранения убеждал ее не ехать с Беном на прогулку. Ему ведь совершенно нельзя доверять. Опыт подсказывал, что он вовсе не собирается с ней разговаривать, он просто хочет продолжить то, что начал десять лет назад.

Бен напоминал ей дикого кота, старающегося выглядеть ручным и домашним. Но достаточно ему взглянуть на нее, и Амбер видела в его зрачках притаившуюся внутри хищную бестию. Бен мог усвоить с годами светский лоск, сколько угодно изображать вежливость и хорошие манеры, но внутри остался все тем же дикарем, живущим первобытными инстинктами.

Секс необходим ему, как еда и сон. И он хочет заняться с ней сексом.

Напрасно она думала, что он приехал обсудить предложение относительно продажи фермы. Ему нужно было совсем другое.

Придя к такому выводу, Амбер прекратила бороться с собой. Да, она хочет заняться сексом с Беном не меньше, чем Бен с ней.

Но как же трудно оказалось признать очевидное: неизбежность их любовной, связи больше не пугала.

Чем, в самом деле, это ей грозит? — спросила она себя, поднося к губам чашку кофе.

Самое страшное, что может случиться, она возьмет да и влюбится в него. Не влюбишься, мгновенно отозвался внутренний голос. Потому что ты уже...

У Амбер перехватило дыхание, и Бен, заметив неладное, участливо посмотрел на нее.

— Кофе слишком горячий? — спросил он.

— Горячеват, — немногословно ответила она.

— Прекрасный ужин, миссис Холлингзуорт, — проговорил Бен, пока Амбер пыталась собраться с мыслями. — И превосходное вино, Эдвард. Я бы с удовольствием не ограничился одной рюмочкой, но стараюсь не пить лишнего перед тем, как сесть за руль.

— Разумно, — пробормотал Эдвард, откинувшись на спинку инвалидного кресла. Простите, ребята, что покидаю вас, но долго сидеть мне пока еще трудно.

Старинные дедушкины часы в углу пробили десять.

— Мне определенно понравилось ваше общество, Бен, — продолжил отец Амбер. — Вы совсем не напоминаете того злодея, которого нарисовала мне дочь. Амбер, почему бы тебе не приглашать почаще своего друга? Что касается земли вашей бабушки, ну что ж, придется поискать другое место для автостоянки.

Амбер нахмурилась. Она не могла поверить, что отец так быстро сдастся. Он даже не пытался уговаривать Бена. Как это не похоже на отца!

Кажется, тот прочитал ее мысли.

— И нечего смотреть на меня так, доченька. Торговый комплекс — твоя затея. Вот и занимайся этим сама. Насколько я вижу, ты сильнее влияешь на Бена, чем я. Не так ли, Бен?

Глаза Бена сверкнули, одна бровь приподнялась.

— Несомненно, — растягивая слова, проговорил он. — Я — пластилин в ее руках.

Наглая ложь! — рассердилась Амбер. Скорее она — пластилин в его руках. И он прекрасно знает это, хитроумный дьявол!

— Отвези меня в мою комнату, Беверли, проговорил Эдвард, почти не раскрывая рта. Похоже, я выпил вашу долю вина, Бен. Так по крайней мере говорит мой организм.

Амбер тут же поняла, что и она выпила за ужином несколько лишних бокалов вина. Голова слегка кружилась, по телу пробегала дрожь.

Избыток алкоголя всегда делал ее бесшабашной, это далеко не лучшее настроение, если она собирается ехать гулять с Беном и не позволить ему осуществить свои намерения. А она обязана это сделать, особенно теперь, когда поняла, что любит его.

Бен заявил, что изменился и хочет новых взаимоотношений с ней. Но эти заявления плохо

вяжутся с тем взглядом, который он бросил на нее, когда она сказала, что после развода ни с кем не встречалась. На его лице было явно написано циничное недоверие.

Нет, он по-прежнему считает, что она раздвигает ноги перед первым встречным.

Неужели, зная все это, она отдаст Бену свое тело? Ведь он не любит ее, более того презирает! Где ее женская гордость?

— Кончай есть, поехали! — воскликнул Бен, как только они остались вдвоем.

— Хорошо, я поеду, но при одном условии, твердо ответила Амбер.

— Что за условие?

— Ты не будешь давать волю своим рукам, заявила она, метнув на него пронзительный взгляд. — Ты сказал, что хочешь поговорить.

Хорошо. Только поговорить. Соглашайся или поезжай один.

— Согласен, — бросил он. Она нахмурилась.

— Что-то ты слишком быстро согласился.

— Ты мне не доверяешь?

Она засмеялась и встала.

— Или не доверяешь себе? — сухо прибавил он.

Амбер пришлось ухватиться за спинку стула, потому что у нее внезапно закружилась голова.

— Не льсти себе, Бен, и не считай себя неотразимым.

— Лучше не трать попусту время на разговоры, Амбер, и поехали. Не тяни, иначе я подумаю, что ты мечтаешь о том, чтобы я силой увез тебя отсюда и занялся любовью.

Амбер сама поразилась всплеску эротического возбуждения, который вызвали у нее эти, казалось бы, раздраженные слова.

— Ты не посмеешь!

— Ошибаешься, Амбер. Посмею. Но не собираюсь этого делать, потому что не в моих планах издеваться над тобой. Послушай, мне до смерти надоело, как мы ведем себя, когда вместе. Это совершенно ни к чему. Мы уже давно взрослые, а не сексуально озабоченные подростки и способны контролировать собственные эмоции и речь. Я хочу серьезно поговорить с тобой. Нормально пообщаться.

Хочу знать о тебе все. Итак, что скажешь? прибавил он после нескольких секунд наэлектризованного молчания.

— Что я скажу? — эхом повторила она, будучи не в силах ни думать, ни говорить.

Он улыбнулся, как не улыбался никогда раньше. Это была добрая и веселая улыбка, согревающая сердце.

— Выкладывай. Я все переварю.

У Амбер лихорадочно заколотилось сердце. Голова пошла кругом.

— Я хочу сказать.., я должна сначала зайти в ванную!

Бен удивленно моргнул, потом рассмеялся.

— Как можно забыть о природе? Ты права.

Я бы тоже зашел в туалет. Где он тут у вас?

— Сюда, — сказала она, выводя его в коридор. — Встретимся минут через десять на улице.

Амбер вбежала к себе в комнату и облегченно вздохнула.., можно хоть немного побыть одной и собраться с мыслями.

Только не вздумай сдаваться после нескольких страстных слов и нежной улыбки, убеждала она себя. Этот мужчина никогда раньше не относился к тебе с уважением. Почему вдруг сегодня он должен измениться?

Здравый смысл подсказывал, что он способен вначале приласкать ее, а потом попытаться забросить удочку насчет повышения цены за ферму своей бабушки.

Следи за собой, Амбер. Как волка ни корми, а он все в лес смотрит.

Амбер торопилась и машинально побрызгала себя духами. Этими духами она пользовалась с шестнадцати лет, когда отец подарил ей первый большой флакон на день рождения. Это были любимые духи ее матери и назывались «Будуар». С едва заметным пряным ароматом. Совсем не сильным. Приятным и ненавязчивым. Но большинству мужчин он, похоже, нравился. Амбер никогда не пользовалась этими духами на работе. И намеренно не воспользовалась перед ужином. По совершенно очевидным причинам.

Ей страстно захотелось смыть с себя запах. Но духи уже впитались в волосы, шею, одежду.

Придется выкручиваться из ситуации.

Она неторопливо спустилась вниз, стараясь придать своему лицу выражение спокойной уверенности в себе.

Но не слишком преуспела в этом.

Глава 9

Бен глубоко вздохнул, наблюдая, как Амбер спускается по ступеням. Ее походка была неспешной, глаза настороженно смотрели на него.

Его охватило отчаяние. Даже столь короткого времени хватило, чтобы она вновь засомневалась и перестала доверять ему.

Но когда она приблизилась и гордо вскинула голову, как делала всегда, бросая ему вызов, он уловил волну аромата, того самого, который — он готов был поклясться — исходил от нее той ночью много лет назад. Легкий, экзотический аромат, скорее намек, чем запах. Дразнящий и невероятно возбуждающий.

Он нахмурился. За ужином от нее не пахло духами. Зачем она это сделала?

В свете всего происшедшего между ними возможен единственный ответ. И хотя этот ответ возбуждал, он не особенно нравился Бену, Амбер пристально взглянула на Бена. Почувствовал ли он запах ее духов? Если да, то не смеется ли над ней? На мгновение что-то мелькнуло в его глазах, но потом лицо приобрело мрачно-задумчивое выражение.

— Куда ты собираешься меня везти? — преувеличенно бодро спросила она, стараясь скрыть растущую неуверенность.

Бен пожал плечами.

— Как насчет смотровой площадки на мысе? Весьма популярное место для субботних вечерних прогулок.

— А также прибежище любовников, что скрываются за запотевшими стеклами своих машин. Нет, спасибо! — отрывисто проговорила она, бросая на Бена укоризненный взгляд.

— Тогда предлагай ты.

Амбер подумала о коттедже, где она провела сегодня несколько часов, размышляя, что нужно сделать перед переездом. Это было бы идеальное место для разговора, будь она уверена, что Бен не набросится на нее.

— Давай просто поедем на пляж и пройдемся по берегу. Сейчас достаточно тепло.

— На какой пляж? На северный или на южный?

Северный пляж Санрайза был более протяженным и тихим. Но его неизменно заполняли влюбленные парочки, привлеченные многочисленными песчаными холмами и густой растительностью. На южном укромных мест куда меньше.

— Думаю, на южный, — сказала она.

— Южный так южный, — без колебаний согласился он, заставив ее снова засомневаться в его планах на вечер.

— Подожди меня в машине, — предложила она. — Я хочу пожелать папе спокойной ночи.

Вернусь через пару минут.

— Хорошо.

Амбер нашла отца уже в постели. Беверли поблизости не было. Не прячется ли мачеха где-нибудь в доме, желая подслушать ее разговор с Беном? С Беверли станется.

— Ну, дочка, — заговорил отец, как только она вошла, — что ты собираешься сказать?

— О чем?

— О себе и Бене Синклере.

— Обо мне и Бене Синклере?

Он засмеялся.

— Ты — мастер по этим играм. Молодец. Но ты уже достаточно взрослая, чтобы распоряжаться собой.

— И достаточно взрослая, чтобы жить самостоятельно.

Он нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что переезжаю, папа.

Большое спасибо за все, что ты сделал для меня после моего развода, но пришло время встать на собственные ноги.

Он кивнул, понимая, о чем она говорит, но явно сожалел, что ее не будет с ним под одной крышей. Амбер почувствовала угрызения совести. Трудно покидать его, пока он не совсем здоров. Она собралась уже рассказать о своих проблемах с Беверли, но подумала, что это только расстроит его.

— Ты уже решила куда? — спросил он. — Ты ведь не уедешь совсем?

— Нет, никогда. Мне нравится жить в Санрайзе. И работать с тобой. Но я хочу переселиться в коттедж на холме, который купила компания. Конечно, я не рассчитываю, что ты мне его подаришь. Я выкуплю его за собственные деньги.

— Не знал, что у тебя есть деньги. Разве ты не отказалась от дележа имущества в обмен на развод без суда?

— Отказалась. Но Чад подарил мне множество украшений за те шесть лет. Кое-что я продала.

На самом деле она продала почти все, не в силах снова надеть ни одно из тех украшений.

Она считала их платой за предоставленные услуги. То же касается и роскошных платьев, в которые муж любил наряжать ее. Все они ушли по неплохой цене в секонд-хенд. Все равно ни одно из них не было в ее вкусе. Чаду нравилось обладание супругой, которая постоянно выглядит сексуально в обтягивающих платьях и броских украшениях. В то же время он ужасно ревновал к каждому мужчине, который обращал на нее малейшее внимание.

Она поежилась от мысли, что ей пришлось вынести за время брака.

— А кроме того, не забывай, папа, что ты платишь мне очень неплохое жалование вот уже три года. Я откладывала.

— Ты? Откладывала деньги? Вот это новость! Пока ты не покинула дом, карманные деньги у тебя утекали сквозь пальцы.

— Да, тогда я была глупой девчонкой. Сейчас я повзрослела, ценю деньги и ненавижу сорить ими. Между прочим, на что мне было их тратить? Ты позволил мне жить здесь бесплатно, а мои потребности невелики. Послушай, Бен ждет меня в машине, так что я лучше пойду. — Она наклонилась, чтобы поцеловать отца в щеку.

Он хмурился, когда она подняла голову.

— Это духи твоей матери.

— Да, они.

— Красивая женщина была твоя мать, — задумчиво пробормотал он. — Ты очень похожа на нее.

— Ты это уже говорил.

— Твоя мать бывала иногда совершенно несносной. — Он нахмурился еще больше. — Ты не играешь с Беном, Амбер? Я имею в виду, ты не собираешься сделать какую-нибудь глупость, лишь бы заставить его продать землю?

Амбер засмеялась.

— Ни одна женщина не может играть с Беном, папа. Если только не хочет сгореть в огне страсти.

— И это случилось с тобой?

— В некотором роде. Но, думаю, и его немного опалило. А сейчас прекрати расспрашивать, папа. Я дам тебе знать, если между мной и Беном возникнет что-то серьезное.

— Ха! Ты никогда мне ничего не рассказываешь. И никому ничего не рассказываешь.

Беве́рли больше всего расстраивается, что ты не делишься с ней женскими секретами.

— Я просто не слишком люблю откровенничать, — сухо ответила она, не желая вступать в дискуссию о своих отношениях с Беве́рли. — Спокойной ночи, папа. Спи крепко.

Когда Амбер сбежала с крыльца и села в машину, ей пришлось пуститься в пространные извинения перед Беном за долгое отсутствие.

— Все в порядке, — сказал Бен, хотя чувствовалось, что он нервничает. — Я ждал этой ночи десять лет. Несколько минут не играют роли.

Амбер резко повернулась и удивленно посмотрела на него.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она пересохшими губами, когда он выехал на дорогу.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, — сквозь зубы проговорил он.

— Ты.., ты обещал, что не прикоснешься ко мне.

— Это было до того, как ты спустилась вниз, благоухая духами.

Он заметил!

— Ты решила соблазнить меня, я не ошибся?

— Ошибся! Если ты думаешь только об этом, сейчас же разворачивайся и вези меня домой!

— Ладно, ладно, остынь! Я буду пай-мальчиком. Между прочим, я имел в виду не секс, когда говорил, что ждал десять лет. Хотя должен признаться, почти невозможно думать о тебе и не

думать о сексе, — грустно прибавил он. — Я говорил о возможности прекратить войну и наладить нормальные отношения. Давно пора остановиться и как следует узнать друг друга, пересмотреть наши детские мнения.

— Зачем утруждать себя? Насколько мне известно, ты скоро женишься на одной девице из Сиднея.

Он метнул на нее сердитый взгляд.

— Ради бога, кто сказал тебе эту чушь?

— Твоя бабушка.

— Ну, она ошиблась, — процедил он, и сердце Амбер сжалось от волнения.

— Ты не собираешься жениться?

— Нет.

Некоторое время оба хранили молчание.

Амбер отвернулась и невидящим взглядом смотрела в окно. Дорога, по которой они объезжали город, вилась меж холмов, окружавших Санрайз с трех сторон. Наконец Бен повернул машину на бежавшую по открытой ровной местности спокойную дорогу, обсаженную с обеих сторон кустами, что вела к пляжу. Амбер откинулась на спинку сиденья и вздохнула. Нежный морской бриз трепал ее волосы, запах морской соли щекотал ноздри.

— А ты адвокат, Бен? — спросила она, пока машина спокойно катила к морю.

— Нет. Я — эксперт по контрактам и процедурам слияния корпораций. Иногда помогаю готовить дела для суда. Не уголовные дела. У нас есть специальная команда адвокатов, выступающих в суде.

— А ты сам не хотел бы стать адвокатом?

— И носить эту идиотскую мантию и шапочку? Нет уж, увольте!

— Тебе нравится работать юристом?

— Хочешь знать правду?

— А для чего мы поехали сюда?

— Ты права! Ну слушай тогда! Не знаю, виновата ли в этом моя профессия, но я недоволен своей жизнью в Сиднее. Как ни странно.

Я всегда считал себя городским мальчиком.

Все три года, пока учился здесь в школе, не мог дождаться, когда вернусь в Сидней. Конечно, я добился успеха, но...

— ..не нашел счастья?

Он искоса взглянул на нее.

— Нет, Амбер, не нашел. А ты?

— Я? Что я?

— Ты счастлива?

— Счастлива? — повторила она и, вдруг испугавшись открыть свою душу, спряталась за общими фразами:

— Счастье — иллюзорное понятие. Думаю, живу не хуже других.

— Ты нарушаешь правила игры, Амбер, возразил он, останавливая машину на небольшой стоянке на берегу океана. — Но я примерно этого и ожидал. Ты похожа на меня. Добровольно ни в чем не признаешься. Однако сегодня мне нужна правда, вся правда и ничего, кроме правды.

— И да поможет мне Бог? — усмехнулась она, тщетно пытаясь унять дрожь.

Бен улыбнулся слегка ироничной улыбкой.

— Его помощь и мне бы определенно не помешала, — проговорил он, заглушил двигатель и вышел из машины. — Пойдем прогуляемся.

На пляже было свежо, но не холодно. Ее волосы разлетелись на ветру, когда она пошла навстречу протянутым рукам Бена.

И вдруг остановилась на полпути. Бен пожал плечами и опустил руки. Потом засунул их в карманы джинсов и зашагал к полоске песка, отделявшей их от прибоя.

Амбер чуть слышно простонала, глядя ему вслед, и поспешила за ним.

— Стой! — закричала она, обнаружив, что невозможно идти по песку на высоких каблуках.

Он остановился и подождал, пока она снимет туфли. Но даже босиком идти по песку было трудно.

— Пойдем ближе к воде, — предложила она. Там песок плотнее.

Наконец они зашагали рядом вдоль кромки воды.

— Итак, продолжим, — сказал он. — Ты счастлива?

Амбер подмывало соврать, но она решила быть честной до конца.

— У меня случались моменты радости и личного удовлетворения, особенно в последний год. Но настоящего счастья не было никогда. Деньги не главное в жизни. Я была ужасно одинока. Мне до боли не хватало настоящей любви и внимания. После смерти мамы отец работал по двадцать часов в день и никогда не находил времени для меня. Людям, которых он нанимал присматривать за мной до и после школы, не было до меня никакого дела.

— Если ты думаешь, Амбер, что я поверю в твое трудное детство, то глубоко заблуждаешься. Ты и понятия не имела о трудностях!

— Да, меня баловали, — согласилась она. Но я действительно страдала, Бен. Я знаю, что ты

мне не веришь, но это правда.

— Ха! Уж если страдала, то не от одиночества. Подружек и влюбленных в тебя мальчиков всегда было хоть отбавляй!

— Подруг в основном привлекали мои деньги, а мальчишек — фигура и смазливое личико. Настоящих подруг мне найти так и не удалось. А мальчики хотели только одного. Приходилось все время отбиваться, — грустно проговорила она.

— До тех пор, пока не появился Крис.

Амбер отпрянула на секунду, пока не поняла, что Бен верит, будто она спала с Крисом. Пора наконец покончить с этим давним заблуждением. Вот только стоит ли упоминать о том, что она оставалась девственницей до выпускного бала?

Амбер внимательно посмотрела на привлекательное лицо Бена.

— Что? — спросил он, хмурясь.

— Ты сказал, что хочешь слышать правду, Бен. Я скажу тебе кое-что, но боюсь, ты мне не поверишь. Хотя у меня нет причин лгать.

Он криво усмехнулся.

— Я поверю чему угодно о тебе, Амбер.

Неужели ты не знаешь? Выкладывай.

— Очень хорошо. Мы с Крисом никогда не занимались сексом. Ни до бала, ни после. И все его рассказы обо мне — ложь. Он мстил мне, Бен. Я была девственницей до той ночи.

Клянусь.

Амбер ожидала прочитать недоверие на лице Бена. В конце концов, Крис постарался в подробностях расписать ее «достоинства».

Удивительно, как все эти сплетни не дошли до ушей ее отца.

А главное, любой мужчина, хоть что-то понимающий в сексе, решил бы, что она исходила эту дорожку сотни раз. Слишком легко и безболезненно все прошло, а она оказалась такой.., отзывчивой. Бен не мог не прийти к заключению, что ей не впервой заниматься любовью.

Она ожидала увидеть любую реакцию на столь неожиданное откровение, но только не выражение душевной муки в его глазах. У Бена был настолько печальный вид, что Амбер бросила свои туфли на мокрый песок и подняла руки, чтобы погладить его напряженное лицо.

— Бен, милый, — не раздумывая, сказала она, думая только об одном: как успокоить его. — Ты же не мог знать. Я понимаю. Не расстраивайся. Ты говорил, что хочешь выяснить отношения. Что хочешь знать правду.

Вот она, правда.

Глава 10

Никогда в жизни Бен не чувствовал себя столь потерянным, как в этот момент. Слова не приходили ему на ум. Во рту пересохло. Безудержный поток эмоций переполнял его сердце.

Совершенно очевидно, что Амбер сказала правду. Зачем ей лгать? Он даже не мог уцепиться за безумное предположение, что она лжет, и таким способом сохранить свой разум Нет. Амбер сказала правду. Она была девственницей в ту ночь. Он был ее первым мужчиной, как когда-то мечтал. Она была так влюблена в него, так возбуждена, что полностью потеряла над собой контроль. Ее тело приветствовало его со страстью, которая заменила отсутствие опыта. Впервые Амбер не спряталась в свой панцирь безразличия, который спасал ее в трудные минуты.

Он мог стать самым счастливым человеком на свете, но все разрушил своими собственными руками!

Тяжелое уныние охватило Бена. Перед его внутренним взором промчались все эти десять лет, вес его поверхностные успехи. Все его достижения в профессиональной жизни ничто по сравнению с тем, что он потерял в ночь выпускного бала.

Внезапно он почувствовал ее руки на своем лице, осознал, как удивительно она ведет себя.

Уныние Бена немедленно смыло волной безрассудной решимости. Возможно, он попусту растратил последние десять лет, но он не потратит даром следующее мгновение.

— Амбер, посмотри на меня, — тихо, но твердо и уверенно произнес он.

Лунный свет играл на ее лице, когда она медленно подняла голову. Удивительно красивое лицо, интригующая смесь чувственности и невинности. Она нисколько не изменилась за эти десять лет: на прекрасной коже ни единой морщинки, глаза искрятся, губы сочные и мягкие.

— Да? — спросила она, и рот ее остался приоткрыт, словно в ожидании поцелуя.

Это был удивительно спокойный поцелуй.

Долгий, неторопливый и нежный. Ты — моя женщина, словно говорили его губы.

Амбер застонала.

Набежавшая волна намочила их ноги, но не охладила желания. Бен просто поднял любимую на руки и понес по песку к машине.

Он осторожно положил Амбер на заднее сиденье, сам сел за руль и, отъехав со стоянки, на которой могли появиться люди, остановил машину под низкими, развесистыми деревьями в дальней части пляжа.

Амбер задрожала от возбуждения. Пути назад нет! Она любит Бена и верит, что он любит ее. Она ждала этого момента десять лет, и ничто не помешает их союзу!

Когда Бен открыл дверцу и сел рядом, Амбер немедленно потянулась к нему.

Но он уклонился от ее жарких объятий; в черных глазах мелькнула тревога.

— Амбер, я...

— Нет, — оборвала она, поспешно приложив палец к его губам. — Молчи. Не думай ни о чем.

Не тревожься. — И поцеловала его. Поцеловала страстно.

Он поцеловал ее в ответ, так же страстно и жадно.

Треск разрываемых трусиков напугал, но не шокировал ее. Потому что, странным образом, она хотела именно этого. Хотела, чтобы Бен потерял над собой контроль, как она некогда в его руках.

После того как Бен снял с нее платье, Амбер слегка подалась вперед, чтобы помочь ему расстегнуть бюстгальтер без бретелек, который она надела сегодня. Вздох облегчения сорвался с ее губ, когда застежка щелкнула.

Амбер почувствовала, что ей не хватает дыхания, когда он провел пальцем около соска легким, дразнящим движением.

Соски тем не менее откликнулись на эту сладкую эротическую муку — немедленно поднялись и затвердели. Лицо Амбер пылало. Голова кружилась.

— Не останавливайся, — неуверенно запротестовала она, когда Бен внезапно отнял руку от ее груди.

Он ничего не ответил, запер дверцу автомобиля и стал быстро снимать с себя одежду.

Амбер лежала, не в силах пошевелиться, не в силах произнести ни слова. Ее мышцы словно окаменели, во рту пересохло, расширившиеся глаза смотрели в темное небо сквозь заднее стекло.

— Прекрасно, — пробормотал Бен и принялся ласкать ее ягодицы и бедра. Наконец его руки раздвинули ее ноги, и Амбер застонала, не способная более сопротивляться нахлынувшему чувству. Ее дыхание прервалось от возбуждения, когда затвердевшие соски скользнули по кожаной спинке. Никогда в жизни она не возбуждалась сильнее. Тело горело. Бедра дрожали. Ее тело звало его.

— Бен, пожалуйста, — взмолилась она.

И тихо вскрикнула, когда он грубо и властно вошел в нее и начал терзать ее разгоряченное тело мощными движениями. Глаза Амбер закрылись, руки отчаянно вцепились в спинку сиденья. После бешеного эротического танца, неистового и неукротимого, их тела почти одновременно забили в судорогах экстаза.

— Мой милый, — чуть слышно прошептала Амбер. И Бен с любовью и нежностью приник к ее губам.

Их тела постепенно остывали, и они опустились на сиденье, все еще продолжая обнимать друг друга.

— Поговори со мной, — попросила Амбер.

— О чем?

— О чем угодно. Обо всем. Скажи, что любишь меня. Любишь, как я люблю тебя, Бен.

Думаю, я всегда любила тебя, просто не отдавала себе в этом отчета.

— Амбер, прекрати смеяться надо мной.

— Я не смеюсь. Я ужасающе серьезна. Скажи, ты разве не любишь меня?

Его вздох был долгим и усталым.

— Ты знаешь, что люблю.

— Тогда все правильно. Когда мы сможем пожениться?

— Когда я попрошу твоей руки, — отрезал он.

— О, я понимаю. Это вопрос мужской гордости, не правда ли? Итак, когда ты сделаешь мне предложение? Немного позже? Завтра утром? Или будешь терзать меня ожиданием неделю или две?

— Ты просто невыносимая особа!

— И счастливейшая. О, Бен, я никогда в жизни не испытывала ничего подобного. Никогда в жизни.

— Даже со своим бывшим мужем?

— Особенно с ним.

— Ты не любила его, Амбер?

— Нет.

— Зачем же ты вышла за него?

— По ошибке. Меня очаровывала мысль, что этот красивый, богатый и опытный мужчина любит меня столь сильно и самозабвенно. Приятно иметь рядом кого-то, кто сходит по тебе с ума, если до этого никто не любил и не заботился о тебе. Когда он сказал, что умрет, если я не выйду за него замуж, я поверила. Я не понимала, что представления Чада о любви и браке не совпадают с моими.

— В чем? — спросил Бен.

— Во-первых, он не хотел детей и даже сделал себе операцию, приводящую к стерильности. Но я узнала об этом после того, как обручальное кольцо оказалось на моем пальце. А во-вторых, как от жены от меня требовались только две вещи: всегда выглядеть красавицей, что льстило его самолюбию, и заниматься с ним сексом, когда он пожелает. Возможно, если бы я переспала с ним до свадьбы, то поняла бы, что Чад никогда не сделает меня счастливой.

— Так почему ты не переспала с ним до свадьбы?

— Просто не хотела — уже одно это должно было меня насторожить.

— Он думал, что ты еще девственница?

— Нет. Я сказала ему, что был кое-кто, кто сделал мне больно. И поэтому опасаясь снова испытать боль.

— Не напоминай мне об этом, Амбер, простонал Бен. — Та ночь преследует меня всю жизнь. Ты не представляешь, как я раскаивался в том, что так обошелся с тобой. Даже если бы ты не была девственницей, я не имел права обвинять тебя. Это грубость и лицемерие.

— Я и сама была грубой и лицемерной в ту ночь. Но давай больше не будем ворошить старое, Бен. Мы оба наделали ошибок, пока были молодыми и глупыми. Взять хотя бы мой брак с Чадам!

— И как же ты вырвалась от него?

— Поверишь ли, Чад однажды избил меня, когда вернулся домой в дурном настроении... после долгого вечера в казино в Лас-Вегасе. И я сказала ему прямо там, что уйду от него.

— И он позволил тебе уйти?

— О боже, нет. Он схватил меня за горло и едва не задушил. Думаю, когда я упала, он наконец понял, что делает, и остановился.

Когда я очнулась, он ушел на всю ночь. Я упаковала чемодан и уехала. Все дальнейшее общение с ним велось через адвоката.

— Я убью этого ублюдка!

— Тебе не придется мारать об него руки. Я слышала, он медленно убивает себя сам алкоголем и наркотиками. Его денежки тоже почти кончились.

— Хорошо.

— Но я больше не хочу говорить о нем. Я хочу говорить о тебе.

— Обо мне?

— О том, какой ты замечательный любовник.

— Лесть всюду пробьет дорожку, — проговорил Бен, крепче сжимая ее. Он слегка подвинулся к ней, и Амбер поняла, что он снова возбужден.

— О да, — прошептала она.

— Что — да? — так же тихо отозвался он.

— О, да. Я хочу снова.

— Что — снова?

— Ты знаешь. Не дразни меня.

— Умоляешь? — проговорил он, начиная медленные и сладостные движения.

— Да.

— Но тебя так приятно дразнить. Ты делаешься такой неистойвой и такой..., распутной.

Амбер застонала.

- Не напоминай мне.
- Нет нужды стыдиться. Я люблю тебя именно такой.
- Но я становлюсь слишком горячей. И совершенно не могу ни о чем думать.
- У меня тоже не холодная голова. Тем более что мы с тобой оба забыли о безопасном сексе.
- И что.., что ты собираешься делать, если я забеременею?
- Бежать.
- Бежать?! Куда?
- Чтобы спастись от твоего грозного отца с его крупнокалиберным пистолетом.
- Дурачок! Отец, наоборот, придет в восторг, если у меня появится ребенок. И примет с распростертыми объятиями любого мужчину, который женится на мне и сделает меня счастливой.
- В таком случае, — пробормотал Бен, еще немного счастья не помешает. — Его давно блуждавшая по ее телу рука скользнула вниз.
- О боже, — выдохнула она, дрожа от острого сексуального возбуждения.
- Тебе не нравится?
- Да. Нет. Нравится, но.., ты доводишь меня до безумия.
- Именно этого я добиваюсь.
- Жертва случайной любви.
- Да. Так и есть. В буквальном смысле.
- То есть? — спросила Амбер, на мгновение отвлекаясь от дразнящих движений руки Бена.
- Как ты думаешь, откуда у меня бабушкина фамилия? Да, я — жалкий плод случайной любви. Моя мать — алкоголичка, которая занималась бог знает чем, когда напивалась.

Но это другая, и довольно скучная, история.

А сейчас прекрати болтовню, милочка. У меня совершенно другие планы.

Глава 11

Бен усмехнулся, наблюдая, как Амбер крадется по ступенькам дома Холлингзуортов с раскисшими туфлями в руках — их с большим трудом, но все-таки удалось найти на берегу, — со спутавшимися волосами, в помятом платье. Она выглядела как подгулявшая школьница, возвращающаяся домой после затянувшейся вечеринки.

Тем не менее едва перевалило за полночь.

Но Амбер все же взяла с него обещание не заводить мотор, пока она не войдет в дом.

Вдруг отец услышит.

А еще подняла его на смех, когда он заявил, что Эдвард Холлингзуорт погонится за ним с пистолетом, если увидит свое сокровище беременной и незамужней! Бен не сомневался, что отец Амбер не проявит в этом случае особого благодушия. Впрочем, Бен был решительно настроен жениться. И сделать Амбер беременной. Второй раз он не упустит свое счастье!

Девушка повернулась и послала ему воздушный поцелуй, прежде чем скрыться в дверях.

Бен никогда еще не был так счастлив. Амбер любит его! Хочет выйти за него замуж!

Хочет иметь от него детей!

Волна стыда накатилась на него, когда он вспомнил об их первом любовном опыте. Но он постарался прогнать эти мысли.

Он поклялся никогда больше не подвергать сомнению любовь Амбер. Потому что именно любовь позволила ей столь самоотверженно и неистово отдаться ему. Она полностью доверилась ему, подчинившись его воле.

Бен был счастлив, что не обидел ее. Ни эмоционально, ни физически. Особенно после того, как она рассказала ему о том ублюдке, за которым была замужем.

Но он едва не произнес обидные слова.

Бен покачал головой, выезжая на дорогу к ферме. И когда свернул за последний поворот, увидел впереди дым.

Дым поднимался со стороны фермы!

Бен что есть силы вдавил педаль в пол. Тысячи болезненных игл вонзились в его сердце.

Автомобиль с визгом рванулся вперед.

Подъехав немного ближе, он с облегчением понял, что горел не дом. Дым шел откуда-то сзади. Должно быть, из старого сарая.

Но успокаиваться было рано, так как перед воротами фермы стоял полицейский автомобиль. Присутствие полиции означало, что пожар — не какая-то глупая случайность.

Уже возле самого дома Бен увидел, что сарай превратился в дымящуюся груду головешек.

Старый бабушкин грузовичок, который обычно находился в сарае, стоял невредимым на улице, значит, пожар, похоже, случился, когда бабушка отправилась в свой клуб.

Бен еще пытался разобраться со своими беспокойными мыслями, когда фары высветили слова, намазанные красной краской на дверях дома.

«В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ СПАЛИМ ДОМ» такая надпись украшала левую створку.

«УБИРАЙСЯ ПРОЧЬ, СТАРАЯ ВЕДЬМА!» — гласила надпись справа.

Бен почувствовал, что у него похолодело в груди. Терроризировать бедную, беззащитную старушку! Он не мог представить, что почувствовала бабушка, вернувшись из клуба.

Гнев смешивался с чувством вины за то, что его не было здесь. Вместо этого он...

Внезапно Бен содрогнулся от ужаснейшей мысли. Несколько секунд он страдал так, как не страдал никогда раньше. Но затем, постепенно, чувство доверия к Амбер взяло верх.

Он знал, что та женщина, которую он любит и которая любит его, не причастна ни к какой подлости.

Но совсем другое дело — ее отец, кто знает, можно ли ему доверять. Бен не мог отделаться от ощущения, что его обманули.., или приглашение на ужин — лишь хитрая уловка, чтобы выманить его из дома, или Эдвард Холлингзуорт воспользовался тем обстоятельством, что их гость не скоро вернется домой, поскольку отправился гулять с его дочерью.

Бен вспомнил, как рассказывал отцу Амбер, что бабушка проводит субботние вечера в клубе за картами. Вспомнил также, как хозяин дома изобразил усталость, чтобы побыстрее отправиться к себе в комнату. Неужели он немедленно позвонил какому-то подонку и дал ему зеленый свет на гнусный поджог?

Бен не мог также не признать, что удивился столь быстрой капитуляции Эдварда Холлингзуорта. Это не похоже на него. Отец Амбер всегда слыл упрямым бизнесменом, готовым пойти на все для достижения поставленной цели. Не дрогнет он и перед подкупом.

Возможно, немалая часть слухов — обычное в таких случаях преувеличение, но Бен знал точно, что дурная репутация чаще всего оказывается заслуженной.

Он сам некогда слыл хулиганом и заслужил каждое бранное слово, которое люди сказали о нем. Знал он также, что своим нынешним положением целиком и полностью обязан доверию бабушки, увидевшей в угрюмом, беспокойном подростке нормального мальчика с неплохими мозгами и добрым сердцем.

Милая бабушка! Она никогда не изменяла своей любви и всегда ему доверяла. Всегда!

Какого черта он расслаживается в машине, когда должен бежать в дом и успокаивать ее, говорить, что никогда больше не позволит случиться такому?

Бен пулей выскочил из машины и взлетел на крыльцо, но в дом войти не успел: дверь распахнулась и на пороге появился огромный полицейский.

Сержанту Петерсону было под шестьдесят, и, сколько Бен помнил себя, он возглавлял полицейский участок Санрайза. Сержант был строг к хулиганам — он хорошо припугнул Бена в первый же день приезда того в город, — но всегда прям и честен. Будь побольше таких полицейских, как сержант Петерсон, в мире стало бы спокойнее.

— Рад видеть тебя, Бен, — приветствовал его сержант. — Дрянные дела. Мне пришлось отвезти твою бабушку в больницу. Только не паникуй, парень. С ней все о'кей. Просто немного не в себе. Нервный шок плюс приступ грудной жабы. Это когда пожарный нашел собаку.

— Собаку? — повторил Бен и застонал от отчаяния. — О боже, они ведь не тронули беднягу Рокки? Он и мухи не обидит!

— Да, я знаю, хотя в газете было написано обратное, — сухо произнес полицейский. — Честно говоря, не думаю, что они хотели убивать собаку. Миссис Перл Синклер заперла животное в сарае, когда поехала в клуб. Она сказала, что пес побежал за ней и она испугалась, что он

потеряется. Поджигатели наверняка не знали, что пес там, пока не бросили в сарай бутылку с зажигательной смесью.

— Он умер? — упавшим голосом проговорил Бен.

— К сожалению, да.

Бен рухнул на ступени и схватился руками за голову. Бог знает, почему ему хотелось плакать из-за старого глупого пса. Рокки даже не был его собакой. Но он плакал, его плечи вздрагивали, и слезы катились по щекам.

Полицейский положил ему ладонь на плечо, но ничего не сказал, просто ждал, пока Бен возьмет себя в руки.

— Прощу прощения, — пробормотал Бен через одну-две минуты, еще раз вздохнул и поднялся на ноги. — Итак! У вас есть идеи, кто это сделал?

— Я видел интересный отпечаток шины на дороге да еще пару пустых банок из-под краски. Думаю, мне недолго придется искать подлеца, особенно после того, как в городе узнают об этом. Хотя очень мало людей сейчас на стороне твоей бабушки — в конце концов, новый кинотеатр и торговый центр как раз то, что доктор прописал для города, — никому не понравится подобная тактика. И мне в первую очередь!

— Ну, я бы подсказал, где нужно искать, проговорил Бен сквозь зубы. — Сейчас напишу адрес!

— Я знаю, о ком ты думаешь. Но ты ошибаешься. Эд Холлингзуорт никогда не сделает такого. Согласен, в свое время это был тот еще пройдоха, несколько не уважавший честную игру, но все это в прошлом. Мужик круто изменился.

— Ага, на все сто процентов, — саркастически проговорил Бен.

— Хочешь сказать, люди не меняются?

Вспомни себя в молодости. Тот мальчишка, который тогда приехал в город, едва не угодил в тюрьму. Не вмешайся Перл, сидеть бы тебе за угон автомобиля. Но она сумела уломать судью, и тот дал тебе шанс. Благодарю свою счастливую звезду, парень, иначе никогда не стал бы юристом. Был бы или вором, или бездельником!

Бен промолчал, и сержант Петерсон вздохнул.

— Послушай, завтра утром я первым делом поговорю с Эдом. Но готов поставить на кон годовую премию, он невиновен.

Бену хотелось бы в это верить, но все-таки его грызли сомнения. Сержант Петерсон или слишком наивен, или не умеет должным образом оценивать людей. Жаль, если предстоит разочароваться в этом человеке, которого он всегда уважал.

— Эдвард Холлингзуорт вряд ли признается, даже если действительно виновен, — произнес Бен, стараясь скрыть цинизм в голосе. — Хорошо, допустим, это не он. Кто же тогда?

— Подозреваю, кто-нибудь из торговцев или строителей, которые рассчитывали хорошо подзаработать на таком большом проекте.

Ты не представляешь, Бен, как плохо сейчас идут дела в нашем городе.

— Представляю, — возразил он, взглянув на обезображенный дом.

Полицейский устало кивнул.

— Я тебя понимаю. Грустный поворот событий.

— Это просто позор! Такое дело требует самой широкой огласки, и не только в местной газетенке!

— Господи, Бен, только не надо городских газет, — взмолился сержант. — Меньше всего городу сейчас нужен скандал в прессе. Без туризма мы просто пойдем ко дну.

— Какое мне дело до города? Меня волнует бабушка и ее безопасность!

— Не говори ерунды, Бен. Ты совсем не такой грубый, каким пытаешься казаться. Между прочим, ты наверняка, не захочешь портить отношения с Амбер Холлингзуорт?

Бен остолбенел.

Полицейский пожал своими широкими плечами.

— В этом городе невозможно хранить секреты. Говорят, ты сегодня ездил ужинать к ней. Это слухи или факт?

— Факт.

Густые брови сержанта изогнулись, когда он взглянул на часы.

— Неторопливый ужин.

— Я потом прогулялся.

— Неторопливая прогулка.

— Я был не один.

— Только не рассказывай, что гулял с Эдом.

Или с Беверли.

— Очень смешно.

— И не говори, я тоже хохотал. А сейчас, парень, я займусь этим делом, а ты отправляйся в больницу к бабушке. Но хочу тебя по-дружески предупредить.

— О чем?

— Помалкивай обо всем этом и другим не давай болтать. Одной леди совсем не понравится, если имя ее папочки будут трепать на каждом углу. Она думает, что солнце светит из-за него.

Бен недовольно поморщился из-за этого неожиданного осложнения своих отношений с Амбер. Ей действительно не понравятся его обвинения. Она увидит в этом свидетельство прежней злобы и подозрительности Бена.

Сержант Петерсон похлопал его по плечу.

— Пусть все идет по закону, парень.

Бен нахмурился.

— Там, где я живу, закон не всегда справляется с теми, кто его преступает.

— Тогда, наверное, ты живешь не в том городе.

— Неподходящий момент для таких разговоров, — пробормотал Бен и отвернулся.

Бабушка лежала в отдельной палате. Она выглядела очень маленькой на высокой больничной койке. И очень бледной.

Когда Бен на цыпочках вошел в палату и пододвинул стул поближе к кровати, ее глаза были закрыты. Но, как только он сел, она открыла глаза и посмотрела на него.

— Привет, бабуля. Как ты себя чувствуешь?

— Как и должна себя чувствовать, — горестно проговорила она. — Рокки умер, ты знаешь?

— Да, — ответил он, глотая ком в горле. — Знаю.

— Это я виновата. Я во всем виновата...

Бен не смог выдержать, когда две больших слезы покатались по ее щекам. Он вытер рукой ее слезы.

— Не надо, бабуля. Это не правда. Ты ни в чем не виновата.

— Виновата, — повторила она. — Я просто получила по заслугам. «Старая ведьма», — написали они. И они правы. Да. А бедняжка Рокки умер. Лучше бы я умерла.

— Не надо, бабуля. Твоей вины в этом нет.

Поверь мне.

Она печально взглянула на него, уже без слез.

— Ты не понимаешь. И я не могу рассказать тебе. Не хочу, чтобы ты возненавидел меня.

— Бабуля, что за глупости! Я люблю тебя и никогда не буду ненавидеть.

Ее глаза снова наполнились слезами. Но когда она заговорила, голос ее был странно спокоен.

— Я прошу тебя позвонить завтра утром Холлингзуортам и сказать, что я хочу продать ферму.

Бен расвирепел. Неужели бабушка не понимает, что именно этого и добивался тот ублюдок? Сломить ее дух и заставить продать ферму.

Он уже собрался высказать все это, но в последнее мгновение взглянул в глаза реальности, вспомнил о ее возрасте, состоянии здоровья и промолчал.

— Я.., я не хочу возвращаться туда.., на ферму, — настаивала бабушка. — Я подыщу себе место в одном из домов для престарелых.

Говорят, есть неплохое местечко у бухты Коффс-Харбор.

— Коффс-Харбор! Зачем тебе переезжать туда? Ты любишь Санрайз. Здесь твой дом!

— О, я не могу больше оставаться здесь.

— Тогда поехали в Сидней, живи со мной.

Я продам квартиру и куплю хорошенький маленький домик...

— Нет, — отрезала она. — Спасибо, Бен, но нет. Я не хочу, чтобы ты делал это. А сейчас я хочу поспать, дорогой. Я очень устала.

Бен вздохнул. Он сам устал от всего случившегося. Да и уже глубокая ночь на дворе.

— Хорошо, бабуля, — сказал он, погладив ее руку. — Я приду завтра утром.

Ему ужасно не хотелось уходить, но здравый смысл взял верх. Доктор сказал, что она в целом здорова. Просто ей нужен покой, чтобы оправиться от психологического шока.

Единственное, что смущало Бена, — почему бабушка так настойчиво обвиняет себя в гибели Рокки?

Не она ведь поджигала этот проклятый сарай!

Бен надеялся, что ему удастся отговорить бабушку от этой глупой идеи насчет переезда в Коффс-Харбор. Ей будет трудно без своих старых подруг и уюта собственного дома.

Бен возвращался на ферму в подавленном настроении. Совсем недавно он был уверен в будущем счастье. А сейчас вновь сомневался в том, что у него с Амбер все пойдет легко и гладко. Его подмывало позвонить ей, но в два часа ночи трубку снимет, скорее всего, ее злобная мачеха.

Жаль, что Амбер живет в том доме, решил он. Будь у нее свое жилье, он бы отправился к ней прямо сейчас.

Не придется подождать до утра. И поспать хотя бы несколько часов.

Бен остановил машину перед домом и взглянул на отвратительную надпись. Трудно представить, что Эдвард Холлингзуорт не приложил к этому руку.

Бен не допустит, чтобы этот уголовник стал мэром после того, как их пресловутый торговый комплекс заработает. Отец Амбер постоянно домогается этой должности. И выдвигал свою кандидатуру много раз. Безуспешно. До сих пор.

Бен заскрипел зубами от мысли, что кто-то получит выгоду от смерти собаки и отчаяния пожилой леди.

Будь он проклят, если закроет на это глаза!

Даже ради Амбер.

Обойдя пепелище, Бен увидел обугленные останки Рокки. Невозможно поверить, что поджигатель не знал, что там заперта собака.

Рокки наверняка залаял.

Когда он выкапывал могилу, чтобы зарыть пса, слез уже больше не было, лишь холодная решимость не дать мерзавцу уйти от ответа.

Хорошо, он не обратится в газеты. Но обязательно сходит к отцу Амбер и посмотрит, что тот скажет в свое оправдание.

Бен знал, что рискует любовью Амбер.

Она может даже возненавидеть его. Но он знал также, что возненавидит себя, если отступит и сделает вид, что ничего не случилось. Если этот человек действительно невиновен, пусть докажет это. Пусть посмотрит в глаза Бену и поклянется, что не приложил руку к этому постыдному акту.

Бен знал, как распознать лжеца, так как давно уже научился читать язык тела и мимику. И он добьется правды во что бы то ни стало, когда завтра встретится с Эдвардом Холлингзуортом.

Глава 12

Проснувшись на рассвете, Амбер некоторое время лежала в постели, размышляя о прошедшей ночи и невероятном повороте событий.

Бен любит ее. Действительно любит. И она любит его. Это не просто секс — хотя, видит Бог, это было тоже чудесно. Сейчас у них есть нечто большее, чем физическая близость. Родство душ влекло их друг к другу с самого начала, вопреки всем преградам, которые общество возвело между ними. Две одиноких души стремились навстречу ради любви.

Единственная проблема — они не знали, как отвечать любовью на любовь. Они умели только хотеть, брать, обижать.

Амбер поняла сейчас, почему Бен так обошелся с ней той ночью. Поняла и простила его, надеясь, что и он поймет и простит ее.

Похоже, уже простил. Недаром с таким пониманием отнесся к ее отношениям с Чадом. Огромная ноша свалилась с ее плеч, как только она впервые честно рассказала о своем браке.

Бен заставил ее понять, что во всем виноват Чад. Не было ни поспешных заключений, ни суровых суждений — только доброта и понимание. Он изменился больше, чем она думала. И нет злобного молодого человека, который всегда предполагает в людях худшее.

Амбер улыбнулась, подумав о будущем.

Они будут так счастливы! Она погладила живот: а вдруг там уже растет их с Беном ребенок? На это она уповала всем сердцем.

Скорей бы Бен позвонил ей! Она надеялась, что он так же нетерпелив, как и она. Не хочется ждать до полудня его звонка!

Именно в этот момент Амбер вспомнила о своем намерении переехать сегодня в коттедж. Весьма кстати! — подумала она. Бен поможет ей, а потом, распаковав вещи и застелив чистыми простынями большую постель в спальне, они вместе проверят матрас!

Откинув простыню, она выскочила из постели и побежала в ванную. Нельзя терять время!

Нельзя, если она хочет провести всю вторую половину дня с Беном.

К половине девятого Амбер уже оделась в шорты и майку, аккуратно уложила длинные волосы, набила платьями чемоданы и подготовила к переезду тюки с постельным бельем. Беверли обойдется без нескольких простыней и полотенец. Она столько их накупила, что хватит на десять жизней!

Осмотрев комнату, Амбер с удовлетворением вздохнула. Как много сделано за пару часов. А еще нет и девяти! Пора и позавтракать!

В начале десятого в дверь позвонили. Амбер с кофейником в руке отправилась открывать дверь. Кто знает? Вдруг это Бен, хотя для визита вроде бы еще рановато.

На пороге стоял сержант Петерсон.

— Здравствуйте, сержант! — удивленно воскликнула она. — Надеюсь, ничего не случилось?

Похоже, ему не хотелось ей отвечать.

— Ночью произошла неприятная история на ферме Синклеров.

— Что-нибудь с Беном? — испуганно вскрикнула Амбер.

— Нет, он в порядке. Но миссис Перл попала в больницу, приходит в себя после нервного шока.

— Господи, что стряслось?

— Она вернулась вчера вечером из клуба и обнаружила, что сарай горит, а на дверях дома написана всякая мерзость.

— О боже, — застонала Амбер. — Бен говорил, что его бабушке несколько раз звонили с угрозами. Наверное, это тот же мужчина.

— Похоже, она тоже так думает, — сказал сержант Петерсон странно сухим тоном. — К сожалению, когда сарай загорелся, он не был пустым. Перл посадила туда своего пса, чтобы тот не бегал за ней по городу. Бедняга погиб.

— О боже! Бедная Перл — простонала Амбер. — Она, конечно, в отчаянии.

— Она перенесла это не слишком хорошо.

Именно поэтому ее и отвезли в больницу.

У Амбер от страха подогнулись ноги.

— Но она выздоровеет, правда?

— Очень надеюсь. Не знаю, что натворит Бен, если с пожилой леди что-то случится. Я с трудом отговорил его не обращаться к газетчикам. Я говорю не только о местной газете!

— Представляю, как он расстроен.

— Мягко сказано. Когда он обнаружил, что сделали с собакой, он опустился на ступеньки и заплакал. Никогда не думал, что Бен Синклер умеет плакать.

Амбер готова была сама разрыдаться от одной мысли об этом.

— Я должна к нему поехать.

— Э-э... Не уверен, что это разумно, Амбер.

Дайте ему время остыть, а мне — отыскать настоящего преступника.

Амбер нахмурилась.

— Что вы имеете в виду под «настоящим преступником»? Совершенно очевидно, что...

Она остановилась на полуслове. Только сейчас ей стала понятна причина появления в их доме полицейского.

— О боже, неужели Бен думает, что это сделали мы? То есть Холлингзуорты.

— Не вы, Амбер. Но он вбил себе в голову, что ваш отец может быть причастен к этому преступлению. Лично я не верю, что Эд способен на это, но я должен поговорить с ним.

— С кем вы должны поговорить? — спросила Беверли, спускаясь по лестнице.

Сержант коротко объяснил, и вскоре возмущенная Беверли была вынуждена впустить его, чтобы тот мог встретиться с хозяином дома. Амбер воспользовалась возможностью вернуться на кухню, съесть всухомятку бутерброд и схватить ключи от машины. Возле двери ее остановила Беверли.

— Куда это ты убегаешь?

— Я собираюсь к Бену.

— Все ясно. Ты уже на его стороне? Милого мальчика предпочла отцу и семье.

— Это не так, Беверли. Мы с Бенем любим друг друга и...

— Любите? Не смеши. Вы, мадам, любите единственного человека — себя. Все же не могу не оценить милейшего Бена по достоинству. Ему не потребовалось много времени, чтобы залезть тебе в трусики, не так ли?

Амбер почувствовала прилив дикой ярости, как в тот день, когда Чад ударил ее.

— Скажи, Беверли, ты родилась законченной сукой или обучилась этому искусству за долгую жизнь?

— Я просто говорю то, что вижу, — фыркнула мачеха.

— Тогда позволь и мне сказать кое-что.

Раньше я любила тебя. Я искренне обрадовалась, когда папа нашел любимую женщину после многолетнего одиночества. Но сейчас вижу, что ты просто жадная, хваткая вдовушка, которая вышла замуж ради денег и комфорта, но быстро скисла, столкнувшись с неожиданными проблемами..., больной муж и взрослая дочь, так некстати вернувшаяся домой, и все такое прочее. Вот вся любовь и улетучилась!

— Это не правда! — закричала Беверли, пылая от гнева. — Я действительно люблю твоего отца. И он раньше любил меня. Разговаривал со мной. Делился со мной. Но потом появилась ты — его бедная, драгоценная, пострадавшая доченька! Внезапно я оказалась в стороне, и всюду только Амбер, Амбер, Амбер! После его инсульта я надеялась, что наконец буду нужна ему, что он позволит ухаживать за собой. Но нет! Он нанял для этого Билла! Я едва могу видеть Эдварда. Он больше не делится мыслями со мной. Никто не делится со мной. Никто не любит меня и не уважает. Удивительно ли, что я стала такой? — зарыдала она. — Удивительно ли, что я превратилась в законченную суку?

Амбер с удивлением смотрела на мачеху.

В ее голосе слышалась настоящая боль. Поразительно, но Амбер начала понимать, почему Беверли снесла ревность и обида.

Отец никогда не был слишком чувствителен.

И действительно засуетился, когда Амбер вернулась домой.

— Беверли, мне так жаль, — начала Амбер. Я даже не знаю, что сказать. Я просто многого не понимала. Но папа действительно любит тебя. Возможно, дела пойдут лучше после того, как я сегодня уеду.

— Ты уезжаешь?

— Да. В коттедж на другом конце города.

— Эдвард расстроится, — пробормотала Беверли. — И во всем обвинит меня.

— Нет. Я рассказала ему вчера вечером, и он понял.

— Все ясно, — с горечью проговорила мачеха. — Ты ему сказала, а мне ни слова!

— Беверли, будь справедлива. Ты едва ли была ласкова со мной накануне.

Беверли фыркнула.

— Это вряд ли извиняет Эдварда. Почему он не сказал мне? Почему мои чувства никогда не имеют значения? Я для него пустое место!

— У него не было возможности, — возразила Амбер. — Я сказала ему вчера поздно вечером, прежде чем отправиться с Беном на прогулку. Кстати, я действительно должна ехать, Беверли. Я люблю Бена и хочу выйти за него замуж. А поэтому мне необходимо срочно найти его и убедить, что мы не имеем никакого отношения к случившемуся. Он должен понять, что Холлингзуорты — не убийцы!

— Убийцы?! — воскликнула Беверли, и краска негодования сошла с ее лица. — О чем это ты говоришь?

— Неужели сержант Петерсон не рассказал тебе, что случилось?

— Я не прислушивалась. Поняла только, что на домике Перл Синклер намалеваны угрозы.

— Это всего лишь полбеда. Подожгли сарай, а там находилась собака.

Беверли буквально остолбенела от ужаса.

— Ты.., ты хочешь сказать.., собака погибла... да?

— Да.

Казалось, Беверли готова была упасть в обморок.

— О боже...

Амбер тронула явная озабоченность мачехи. Похоже, у этой женщины все-таки доброе сердце.

— Да, это ужасно, — уже мягче сказала она. Именно из-за смерти собаки бедная Перл попала в больницу. Слава богу, что не умерла от сердечного приступа.

Амбер покинула побледневшую Беверли и поспешила к машине. Нужно поговорить с Беном прежде, чем тот доведет себя до белого каления и постепенно убедит в том, что она специально заманила его на пляж и позволила делать с собой все что угодно, чтобы освободить дорогу подручным отца, которые спалили сарай, убили собаку и изгадили дом.

Амбер почти смирилась с тем, что думает Бен о ее отце.

Но не о ней.

Боже, помоги, молилась она. Не дай Бену потерять веру в меня.

Амбер свернула на дорогу, ведущую к ферме, и с облегчением убедилась, что машина Бена стоит у дома. Она боялась, что он уже уехал в больницу, а там поговорить с ним было бы трудно.

Она заглушила двигатель и вылезла из машины, полная сомнений. Вдруг Бен не поверит, что она непричастна к случившемуся?

Плохо уже то, что он убежден, будто отец приложил к этому делу руку.

С тяжелым сердцем она направилась к калитке.

Бена в доме не оказалось.

Амбер вышла через заднюю дверь и увидела его на дворе возле холмика, напоминавшего могилу.

Руки девушки инстинктивно вытянулись вперед, и она с плачем бросилась к нему.

Бен крепко обнял ее, словно боясь, что она исчезнет, если он не удержит ее. Сердце Амбер разрывалось одновременно от печали и от радости. Он по-прежнему любит ее и верит ей. И она по-прежнему нужна ему.

— Сержант Петерсон приехал к нам рано утром, — прошептала она в ответ на его немой вопрос. — О, Бен! Мне так жалко собаку.

Представляю, как переживает твоя бабушка.

Если ты не против, я бы навестила ее в больнице.

— Не уверен, что она захочет видеть тебя.

Ее руки упали.

— Она.., она думает, будто я это сделала?

Он вздохнул.

— Не знаю, что думает бабушка. Она не слишком много разговаривала. Только просила сказать тебе и твоему отцу, что ферма ваша. Она не желает возвращаться сюда. Никогда! Бабушка сказала, что уедет в один из домов престарелых на побережье. Она почему-то думает, что во всем виновата сама.

— Но это безумие!

— Не знаю, в чем причина, но она очень страдает из-за Рокки. И винит себя. Все, что я говорил вчера вечером, не произвело на нее никакого впечатления. Она упрямо стремится взвалить всю вину на свои плечи. Бог знает почему. Возможно, думает, что нужно было согласиться сразу на предложение продать землю.

— О, Бен, как это ужасно!

— Да. Все это выглядит ужасно. Послушай, я не буду ходить вокруг да около, Амбер.

Мне кажется, что твой отец приложил к этому руку. Слишком много совпадений. Я получил приглашение на ужин, и все произошло, пока меня не было.

— Ты не прав, Бен. Хотя, конечно, имеешь право на собственное мнение. На твоём месте я бы, наверное, подумала то же самое.

Слава богу, что ты не обвиняешь и меня.

— Мне это даже в голову не приходило.

Она улыбнулась.

— Бен, ты замечательный лжец.

— Ну ладно, мелькнула такая мысль. Но лишь на секунду. Клянусь. Сразу вспомнил, как нежно ты поцеловала меня на прощанье, и понял, что ты не причастна к этому безобразию.

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его колючую щеку.

— Я люблю тебя еще больше за твое доверие. И поверь, честна перед тобой.

— Это мне нравится. Много лет мне приходилось по долгу службы общаться с людьми, не имевшими ни малейшего представления о честности.

— Бен, не уезжай в Сидней, — взмолилась она, когда они, держась за руки, направились к дому. — Остайся со мной в Санрайзе. Ты можешь открыть юридическую практику. В городе нет ни одного адвоката моложе шестидесяти — только пара выживших из ума старикашек, которые скоро уйдут на пенсию.

Твоя бабушка раздумает уезжать, когда узнает, что ты остаешься здесь.

— Я не знаю. Она отказалась уехать ко мне в Сидней, когда я попросил ее об этом. Остаться здесь, Амбер... Мне нравится эта идея, но я не уверен, что смогу жить рядом с твоим отцом после всего случившегося.

— А если сержант Петерсон докажет, что папа ни при чем?

— А если не докажет? — с горечью возразил он.

— Если не докажет, я уеду в Сидней с тобой. Уеду с тобой куда угодно. Я люблю тебя, Бен, и хочу быть рядом с тобой.

Он снова обнял ее.

— Ты не представляешь, как много твои слова значат для меня.

— Думаю, ты не захочешь уезжать, как только убедишься, что мой отец невиновен.

Бен оторвался от нее и покачал головой.

— Говорят, любовь слепа.

— Моя любовь не совсем слепа, — заспорила она. — Я знаю отца почти тридцать лет и уверена, что он этого не делал.

Бен долго разглядывал ее, затем кивнул:

— Хорошо, Амбер. Должен признать, что ты действительно знаешь своего отца лучше меня. А кроме того, по закону он невиновен, пока не доказано обратное. Но я хочу услышать, что он скажет сам. Ты отвезешь меня?

Мне что-то не по себе сегодня утром и не хочется садиться за руль.

— Ты хочешь поехать к отцу? Сию минуту?

— Да, сию минуту, — подтвердил он стальным голосом. — А что? В чем проблема?

Вдруг засомневалась?

Она гордо" вскинула голову.

— В отце? Никогда!

— Тогда поехали.

Глава 13

Отца Амбер дома не оказалось. Как и его жены. И Билла. Дом был пуст.

Амбер и Бен посмотрели друг на друга и одновременно произнесли:

— Они отправились к Перл!

В больнице дежурная сестра подтвердила их догадку. Да, мужчина в инвалидном кресле и женщина. Значит, Билл остался в машине.

Бен забеспокоился. Холлингзуорты пришли к его бабушке с дружеским визитом? Из сочувствия или пытаюсь избежать еще одного скандала в прессе?

Внезапно Амбер сжала его руку, и он взглянул на нее.

— Все будет хорошо, Бен. Я знаю.

— Хочется верить. И надеюсь, твоя мачеха будет помалкивать.

— Да, последнее время она особой тактичностью не отличалась, — признала Амбер. Но сегодня утром я увидела ее с другой стороны, так что можно надеяться на улучшение.

— Неужели?

— Именно так. Она ужасно расстроилась из-за того, что случилось на ферме, — особенно когда я рассказала о бедном Рокки.

Когда они подошли к открытой двери в палату бабушки, Бен увидел Беверли рядом с бабушкиной кроватью, а на столике стоял огромный букет прекрасных роз.

— Сейчас главное — поскорее поправиться, Перл, — говорила она. — Да, Эдвард?

— Ты совершенно права, милая, — откликнулся Эдвард. — И забудем о продаже вашей земли. Бен сказал нам вчера вечером, что вы этого не хотите. Мы просто построим комплекс где-нибудь в другом месте.

— Но я совсем не хочу этого! — воскликнула Перл. — Я.., я не могу вернуться в мой дом.

Не могу. После того, что случилось с бедным старым Рокки.

— Почему вы не можете вернуться? — спросил Эдвард.

— Потому что я во всем виновата, — зарыдала пожилая женщина, вытирая слезы простыней. — Я была старой, злобной эгоисткой, и Господь покарал меня.

Бен устремился в палату.

— Господь не карает тебя, бабуля. И вины твоей нет. Виноват только тот мерзавец, который устроил вчера все это. Сержант Петерсон сказал, что выследит преступника по отпечатку шины на дороге.

Бен произнес эту скрытую угрозу, не спуская глаз с отца Амбер. Эдвард не дрогнул и не отвел глаза. Если он действительно виновен, то Бен видит перед собой лучшего игрока в покер.

Еще удивительнее, что Беверли Холлингзуорт внезапно ударилась в слезы.

Все взоры устремились на нее.

— Я не хотела, чтобы кто-нибудь пострадал, — всхлипнула она.

— Боже, Беверли! — воскликнул побледневший Эдвард. — Не хочешь ли ты сказать, что виновата в случившемся?

— Я.., я просто хотела помочь тебе получить эту землю после того, как Амбер все испортила. Я

хотела снова быть тебе полезной.

Я не думала, что так получится.

— Ох, Беверли, Беверли, — покачал головой ее муж. Он сразу постарел и осунулся.

Бену стало жалко его. Как ни странно, стало жалко и Беверли, которая рухнула в кресло в углу и зарыдала. Она выглядела такой одинокой и несчастной, что Амбер подошла к ней и положила руку на плечо. Беверли вздрогнула и испуганно посмотрела на падчерицу.

— Я знаю, что ты не хотела сделать ничего плохого, — успокоила ее Амбер.

— Не хотела. Клянусь, — всхлипывала Беверли. — О, Перл, простите меня. Я.., я заплатила мужчине, который косил нашу лужайку.

Он надеялся получить работу на новом комплексе, поэтому охотно согласился. Но ему следовало только написать что-нибудь на заборе. Когда мне рассказали о пожаре и вашей собаке, я пришла в ужас. Но слишком поздно.

Я готова на все, чтобы загладить вину. На все! Только не сажайте меня в тюрьму!

— Успокойтесь, Беверли, — устало произнесла Перл. — Я не буду сажать вас в тюрьму. И того человека тоже. И даже не намерена требовать штрафа. Я все понимаю. Правда. Мы иногда делаем ужасные вещи, когда стареем и чувствуем себя бесполезными и ненужными. Не только вы виноваты, Беверли. Я устроила этот позорный спектакль. И вела себя как старая дура, а поэтому не могу жить дальше, не рассказав правду. — Она повернулась и умоляюще посмотрела на Бена. — Я только надеюсь, что ты простишь меня, Бен. И вы, Эдвард. И особенно ты, Амбер. Я втянула вас всех в эту историю.

Бедный Рокки... — Ее глаза снова наполнились слезами.

Амбер оставила свою мачеху и подошла к кровати. Ее голубые глаза были полны сочувствия.

— Расскажите нам все, — заботливо проговорила она. — Мы ведь скоро будем одной семьей.

— Одной семьей? — слабым голосом повторила Перл.

— Да. Мы с Беном собираемся пожениться.

И Бен хочет переехать в Санрайз. Он не вернется в Сидней.

Бабушка устремила на него сияющий взгляд.

— Это.., это правда, Бен?

— Конечно, бабуля.

— О боже. Я.., я и не мечтала. И не надеялась. Все мои молитвы сбылись.

— И мои молитвы сбылись, — прибавила Амбер. — Я влюбилась в Бена с первого дня.

Просто была слишком глупой, чтобы понять это.

— И Бен давно любит тебя.

— Бабуля!

— Это правда, Бен. Я помню, как, приходя из школы, ты постоянно ворчал на Амбер. Но меня ты не одурачил ни на минуту. Я знала, что ты сходишь по ней с ума. И когда ты месяцами откладывал каждый цент, чтобы купить этот роскошный смокинг, я знала, для кого ты так наряжаешься на выпускной бал.

— Говорят, признание облегчает душу, произнес Эдвард, подъезжая поближе к жене.

— Ты в порядке, милая?

Беве́рли подняла опухшее от слез лицо.

— Только если ты простишь меня.

— Конечно, я прощаю тебя. Ты — моя жена, и я тебя люблю.

— О, Эдвард. Именно это мне и хотелось услышать.

— И тебя мы все тоже прощаем, бабуля, настоял Бен. — Потому что все любим тебя. А сейчас расскажи, что же плохого ты сделала.

Она вздохнула и плотно закрыла глаза.

Бен, впрочем, уже догадывался, что произошло.

— Я все выдумала, — пробормотала она. Всю эту чепуху в газете. Там все ложь. Никто не угрожал мне. Не было ни одного звонка.

По крайней мере до всей этой истории в газете. Я собиралась продавать ферму. Я знала, что не проживу здесь долго и никогда не получу более выгодного предложения. — Она снова глубоко вздохнула. — Я затеяла все это, чтобы вернуть тебя домой, Бен. Когда ты не приехал на Рождество, мне было очень плохо. Потом, когда я решила, что ты собираешься жениться на этой девице из Сиднея, мне стало еще хуже. Я продолжала надеяться, что ты женишься на Амбер. Я же видела, как ты себя ведешь, когда встречаешься с ней. Правда, я не знала о ее чувствах, пока она не пришла с предложением купить ферму. Но за чашкой чая мы говорили только о тебе. Тогда я и решила заманить тебя домой и столкнуть вас вместе: природа возьмет свое, и я не буду одинока. Но с самого начала все пошло не так. Ты поссорился с Амбер, едва приехав в город. А потом начались настоящие звонки с угрозами. Я понимаю, что убила Рокки не собственными руками, но все равно несу ответственность за его смерть. И мне придется жить с этим до конца дней. Я только надеюсь, что вы простите меня, — устало закончила она.

— О, бабуля, конечно, мы прощаем тебя, сказал Бен, обнимая старушку. — Но и ты должна простить себя. Ты не хотела никому вреда. И сама уже достаточно пострадала.

— Я не заслуживаю прощения, — снова зарыдала Перл, уткнувшись в плечо Бена.

— Ты заслуживаешь больше, чем я могу дать тебе, бабуля. Ты взяла меня к себе, когда все отказались. Ты любила меня, когда все отворачивались. Всем сегодня я обязан тебе.

— О, Бен, как приятно это слышать. — Она смахнула слезы и улыбнулась Амбер. — Он оказался не так плох, как думаешь, милая?

— Совсем не плох, — согласилась Амбер. А ты как думаешь, папа?

— Не могу представить себе лучшего зятя.

Мне он понравился с первого взгляда. И он прекрасно тебе подходит. Однако, раз уж мы занялись признаниями, должен признать и свою вину в этой истории. Я слишком пренебрегал тобой, дорогая, — проговорил он, повернувшись к жене. — Обещаю, что отныне каждый день буду говорить, как сильно тебя люблю.

— О, Эдвард! — растроганно воскликнула Беверли.

— Поехали, дорогая, — продолжил Эдвард. Думаю, нам пора оставить голубков поворковать о своих планах. Надеюсь, вы не будете долго тянуть со свадьбой? — спросил он, хитро сверкнув глазами.

Бен посмотрел на зардевшуюся Амбер.

— Прекрасно, — произнес Эдвард и удовлетворенно улыбнулся, когда жена вывозила его из палаты.

Бабушка улыбнулась Бену, затем притянула к себе Амбер и расцеловала ее в обе щеки.

— Ах ты, моя милая девочка. Как же мне благодарить тебя?

— Ну, думаю, тремя способами, — тут же ответила Амбер, удивив и бабушку, и Бена. Во-первых, вы должны быстро поправиться, потому что завтра я хочу показать вам чудный коттедж, который вам, несомненно, понравится. Я собиралась жить там сама, но он достаточно велик, чтобы вместить большую семью. Во-вторых, мне потребуется помощница, когда у нас с Беном появится малыш, так как я не смогу весь день сидеть дома.

Мне нужно строить торговый комплекс! И, в-третьих, надеюсь, вы разрешите назвать одну из моих дочерей в вашу честь — Перл.

Смущенная и обрадованная, бабушка согласилась на все.

Уже в машине Бен спросил Амбер о коттедже, и она посмотрела на него очень странным взглядом.

— Если не возражаешь, я отвезу тебя туда прямо сейчас. — И быстро развернула машину в противоположном направлении.

Бен нахмурился.

— Почему у меня такое чувство, будто я, как слепец, брожу в полной темноте?

Она засмеялась.

— Темнота скоро исчезнет, милый. Окна в спальне большие и выходят на солнечную сторону.

У Бена перехватило дыхание.

— Ты ужасная плутовка. Но я все равно люблю тебя. Выходи за меня замуж.

Она испуганно посмотрела на него. Он пожал плечами.

— Я ведь еще не просил тебя. Так что ты скажешь?

— Э-э...

— Амбер!

— Да! Я говорю — да!

— Тебе, как я погляжу, нужна твердая рука.

— Да, мой любимый, — покорно проговорила она, и Бен засмеялся.

Он все еще смеялся, когда она втащила его в спальню и начала снимать с него одежду.

Восемнадцать месяцев спустя «Санрайз газетт» писала на первой полосе:

"В САНРАЙЗЕ ОТКРЫЛСЯ НОВЫЙ ТОРГОВЫЙ КОМПЛЕКС!

В прошедшие выходные открыли двери долгожданный торговый комплекс и кинотеатр. Церемония прошла великолепно. Ленточку перерезал наш новый мэр Эдвард Холлингзуорт, которому помогала его милая супруга Беверли. В церемонии участвовала и его дочь, исполнительный директор «Холлингзуорт лимитед», миссис Амбер Синклер.

Ее сопровождал муж, городской адвокат Бен Синклер, который сообщил нашей газете, что очень гордится женой и всем, что она сделала для города.

Единственная заминка случилась, когда через автостоянку и торговый центр, перепугав несколько человек, промчалась борзая и улеглась у ног своей хозяйки миссис Перл Синклер. Впрочем, немудрено, что пожилая леди не углядела за своей собакой, ведь она сейчас нянчит правнука. А сколько это занятие требует сил и внимания, нам хорошо известно!"